

Жорж Сименон

Мегрэ и строптивые свидетели

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

- Ты взял зонтик?

- Да.

Дверь уже закрывалась, и Мегрэ двинулся к лестнице.

- Не надеть ли тебе шарф?

И она бросилась за шарфом, не подозревая, что эта простая фраза может выбить его из колеи и надолго испортить настроение.

Стоял ноябрь, 3 ноября, но было еще довольно тепло. Только непрерывно шел дождь; падая с низкого, серого неба, он казался в это раннее утро особенно неприятным и надоедливым. Вставая сегодня с постели, Мегрэ болезненно поморщился, так у него одеревенела шея. Конечно, это нельзя было назвать невралгией, просто он неловко повернул голову, отсюда и появилось это неприятное ощущение.

Дождь моросил и вчера вечером, когда они с женой долго шли по бульварам, возвращаясь из кино.

Все это, конечно, не имеет значения, но из-за этого шарфа, плотного шарфа, связанного мадам Мегрэ, он вдруг почувствовал себя старым.

Спускаясь по лестнице, затем шагая по улице под зонтиком, он все еще вспоминал вчерашний разговор с женой о том, что через два года ему надо выходить на пенсию.

Они вместе порадовались этому, а потом долго, неторопливо строили планы, говорили о деревне, в которой будут жить на берегу Луары - эти места они оба любили.

Мальчишка с непокрытой головой, бежавший навстречу, налетел на него и даже не извинился. Молодожены, тесно прижавшись друг к другу, шли под одним зонтиком - должно быть, всегда ходят на работу вместе.

Вчера было воскресенье - более унылое, чем обычно, возможно, потому, что в этом году на него пришелся день поминовения усопших. Мегрэ готов был поклясться, что и сегодня утром в воздухе еще чувствовался запах хризантем. Они с женой смотрели из окна на людей, которые целыми семьями направлялись на кладбище, а из их близких никто не был похоронен в Париже.

На углу бульвара Вольтера, на остановке, настроение у него испортилось еще больше при виде огромного автобуса нового образца. Знают, ему не придется стоять на площадке, и он будет вынужден погасить трубку.

У каждого из нас бывают такие дни, правда?

Ну, ничего, они скоро пройдут, эти два года, и тогда ему не нужно будет надевать толстый шарф, выходя утром под этот противный дождь, чтобы шагать через весь Париж, который иногда, как сегодня, бывает черно-белым, словно в старом немом фильме.

Автобус был битком набит молодежью, одни узнавали комиссара, а другие не обращали на него никакого внимания.

На набережной дождь показался ему еще более упрямым и холодным. Мегрэ углубился под своды здания уголовной полиции, где вечно гулял сквозняк, быстро поднялся по лестнице и тотчас же, вдохнув привычный запах и увидев тусклый свет еще горящих ламп, ощутил грусть при мысли, что скоро ему уже не придется приходить сюда каждое утро.

Старый Жозеф, который по таинственным причинам избежал ухода на пенсию, поклонился ему с видом сообщника:

- Вас дожидается инспектор Лапуэнт, господин комиссар. Как всегда по понедельникам, в приемной и просторном коридоре в этот ранний час уже собралось много народа. Несколько незнакомых лиц, среди них две или три молодые дамы - их странно было видеть здесь, - и в основном, завсегдатаи, которых часто можно встретить в уголовной полиции.

Он вошел в свой кабинет, повесил в стенной шкаф пальто, шляпу, пресловутый шарф, хотел открыть зонтик и поставить его в угол сушиться, как ему наказывала мадам Мегрэ, но раздумал и тоже сунул его в шкаф.

Было около половины девятого утра. Почта ждала его на столе. Открыв дверь в комнату инспекторов, он сделал приветственный жест Люка и всем остальным.

- Скажите Лапуэнту, что я пришел.

Конечно, они немедленно начнут шептаться, что патрон встал сегодня с левой ноги, а ведь это было не совсем так. Случается, что именно те дни, когда ты ворчишь, обижаешься, вспоминаются много времени спустя как самые счастливые дни твоей жизни.

- Доброе утро, патрон!

Лицо у Лапуэнта было усталое, но глаза, покрасневшие от бессонной ночи, радостно блестели. Он прямо дрожал от нетерпения.

- Я его поймал!

- Где он?

- В закутке, в конце коридора, под охраной Торранса.

- В котором часу?

- В четыре утра.

- Он тебе все рассказал?

- Я велел принести кофе, потом около шести утра легкий завтрак на двоих, и мы болтали, как старые друзья.

- Давай его сюда.

Это была хорошая работа. Вот уже несколько лет Грегуар Бро, известный под кличкой Терпеливый, а также часто именуемый Каноником, безнаказанно действовал в чужих квартирах, никогда не попадаясь на месте преступления.

Его поймали единственный раз, двенадцать лет назад, застав на месте преступления, но, отбыв срок, он снова принялся за старое, ничего не меняя в своих привычках.

Он вошел в кабинет следом за сияющим Лапуэнтон, у которого был такой торжествующий вид, как будто он поймал самую большую в мире форель или щуку. Каноник смущенно остановился перед Мегрэ, углубленным в бумаги.

- Садись.

Комиссар спросил, дочитывая письмо:

- У тебя есть сигареты?

- Да, месье Мегрэ.

- Можешь закурить.

Арестованный был толстым парнем сорока трех лет, с двойным подбородком, носом картошкой и детским ртом. Должно быть, он был толстым с детства. Его светлая, розоватая кожа легко краснела.

- Итак, ты наконец попался?

- Да, попался.

В первый раз его арестовал сам Мегрэ, с тех пор они часто встречались и дружелюбно раскланивались..

- Ты снова принялся за старое! - говорил комиссар, намекая на очередное таинственное ограбление квартиры.

В ответ Каноник отмалчивался, скромно улыбаясь. Невозможно было ничего доказать. И все-таки, хотя не было никаких очевидных улик, сомнений не оставалось: подобные ограбления как бы носили его подпись.

Каноник всегда работал один, подготавливая каждую кражу с необычайной тщательностью и терпением. Он был человеком спокойным от природы, без пороков и страстей, с крепкими нервами.

Большую часть времени он проводил в углу бара, кафе или ресторана, как будто погруженный в чтение газеты или подремывая, но на самом деле, обладая тонким слухом, не пропускал ни одного слова из разговоров своих соседей, Он также был страстным читателем еженедельников, в которых тщательно изучал светскую хронику, и потому был прекрасно осведомлен об отъездах и приездах всех видных лиц.

Затем в один прекрасный день в уголовной полиции раздавался телефонный звонок какой-нибудь знаменитости, актера или кинозвезды, которые, вернувшись из Голливуда, Лондона, Рима или Ниццы, находили свою квартиру ограбленной.

Мегрэ не нужно было дослушивать до конца Жалобы пострадавших. Он сразу спрашивал:

- Холодильник?

- Пуст.

Домашний бар был также пуст, кроме того, можно было быть уверенным, что на кровати спали и пользовались пижамой, халатом и домашними туфлями хозяина дома.

Это и было "подписью Каноника" - привычкой, появившейся с самого начала его "деятельности". Возможно, прежде он действительно голодал и нуждался в теплой постели. Убедившись, что квартира осталась пустой на несколько недель, что в ней нет слуг, что консьержке не поручили ее проветривать, он проникал в нее без отмычек, ибо ему были известны тайны всех замков.

Очутившись на месте, он не спешил складывать вещи, драгоценности, картины, безделушки, а располагался надолго, вернее на то время, которое было необходимо, чтобы прикончить все съестные припасы.

Случалось, что после его пребывания обнаруживали до тридцати пустых консервных банок, а также изрядное количество пустых бутылок. Он читал книги. Он спал. Он блаженствовал в ванной и при этом никогда не возбуждал подозрения соседей.

Затем он отправлялся к себе домой и снова возвращался к своим повседневным привычкам. По вечерам он посещал подозрительный бар на авеню де Терн, где играл в белот <Карточная игра.>. Завсегдатаи бара относились к нему с уважением, хотя и несколько недоверчиво, потому что он всегда работал один и никогда не рассказывал о своих подвигах... - Она вам позвонила или написала? Он задал этот вопрос с той грустью, которая напомнила Мегрэ его собственное недавнее настроение.

- О чем ты спрашиваешь?

- Вы сами знаете, месье Мегрэ. Без нее вам бы меня не поймать. Ваш инспектор (он повернулся к Лапуэнту) караулил на лестнице еще до моего прихода, и я думаю, что его коллега стоял на улице. Не так ли?

- Да, так.

На самом деле Лапуэнт провел не одну, а две ночи на лестнице дома в Пасси, в котором находилась квартира некоего месье Элевара. Этот Элевар уехал в Лондон на две недели. В газетах сообщали о его отъезде в связи с договором, который он заключил на постановку фильма с участием знаменитой кинозвезды.

Каноник никогда не спешил "въезжать" в квартиру сразу же после отъезда хозяев. Он выжидал некоторое время, принимал меры предосторожности.

- Я ломаю себе голову, как это я сразу не заметил вашего инспектора... Теперь, конечно, неважно!.. Получил хороший урок... Так она вам позвонила?

Мегрэ отрицательно покачал головой.

- Значит, написала?

Мегрэ кивнул.

- Вы, наверное, не можете показать мне ее записку? Хотя она, конечно, изменила почерк?

Положим, она даже не потрудилась это сделать, но не стоит ему рассказывать.

- Я так и думал, что это случится в один прекрасный день, только не хотел верить... Она просто уличная девка, извините за выражение... И однако, я не обижаюсь на нее... Я был счастлив целых два года, правда... Долгие годы ничего не было известно о его любовных связях. И вдруг на сорок первом году жизни он внезапно поселился с девицей по имени Жермен, которая была моложе его на двадцать лет и незадолго до их знакомства ежедневно прогуливалась по авеню Ваграм.

- Ты женился на ней? В мэрии?

- Даже в церкви. Она же из Бретани. Она, наверное, уже переехала, к Анри?

Он имел в виду молодого сутенера по прозвищу Анри - мой глазок.

- Нет, это он перебрался в твою квартиру. Каноник не возмущался, не клял судьбу, он обвинял в случившемся одного себя.

- Сколько я заработаю?

- От двух до пяти. Инспектор Лапуэнт допросил тебя?

- Да. Он записал все, что я ему рассказал. Раздался телефонный звонок.

- Алло! Комиссар Мегрэ слушает. Он слушал, нахмутив брови.

- Повторите фамилию, пожалуйста.

Он подвинул к себе блокнот и записал: "Ляшом".

- Набережная де-ля-Гар?.. В Иври? Хорошо... Врач уже прибыл?.. Констатировал смерть?..

Каноник сразу отодвинулся на второй план, и казалось, что он сам это почувствовал: он поднялся с места, не ожидая разрешения.

- Я полагаю, у вас есть другие дела... Мегрэ обратился к Лапуэнту:

- Отведи его в камеру, а сам немедленно отправляйся спать!

Мегрэ открыл шкаф, чтобы взять пальто и шапку, но внезапно повернулся и протянул руку толстяку с розовыми щеками.

- Не наша вина, старик.

- Я знаю.

Мегрэ не надел шарфа. Проходя через комнату инспекторов, он позвал Жанвье, который только что пришел и был еще свободен.

- Пойдешь со мной.

- Хорошо, патрон.

- А ты, Люка, позвони в прокуратуру, На набережной де-ля-Гар, в Иври, убит человек выстрелом в сердце. Его фамилия - Ляшом. Кондитерская фабрика Ляшом... Это имя напомнило ему детство, проведенное в деревне. В то время во всех полутемных деревенских лавчонках, где рядом с овощами продавались галоши и литки, всегда можно было найти обернутые в целлофан пачки печенья с этикеткой "Кондитерская фабрика Ляшом". Там было и сухое печенье "Ляшом", и вафли "Ляшом", впрочем, и то и другое имело одинаковый картонный привкус.

С тех пор он никогда не слышал этого имени и не видел картинок, на которых был изображен мальчуган с чрезмерно красными щеками, с идиотской улыбкой, поглощающий вафли "Ляшом". И только изредка в какой-нибудь заброшенной деревне можно было еще встретить эту фамилию, написанную полустертыми буквами на старой кирпичной стене.

- Предупреди оперативный отдел.

- Хорошо, патрон.

Люка снял телефонную трубку. Мегрэ и Жанвье спускались по лестнице.

- Возьмем машину?

Утренняя меланхолия Мегрэ совершенно рассеялась в привычной атмосфере уголовной полиции. Будничные заботы заполнили его мысли, ему было некогда задумываться о своей жизни, решать личные вопросы.

Воскресенье - опасная вещь и даже вредная! В машине он закурил трубку, которая снова обрела привычный вкус, и спросил Жанвье:

- Ты слышал о бисквитах "Ляшом"?

- Нет, патрон.

- Ясно. Ты слишком молод!

А может-быть, их просто никогда не продавали в Париже? Существует множество изделий, которые производят специально для провинции. А бывает, что вещи, совсем вышедшие из моды, продолжают изготавливать для определенной клиентуры. Он вспомнил о знаменитых во времена его молодости аперитивах, нынче их можно найти только в заброшенных трактирах, стоящих далеко от больших дорог.

Переехав через мост, они не смогли сразу свернуть на набережную из-за одностороннего движения, и Жанвье пришлось изрядно покрутиться, прежде чем они снова выехали к Сене напротив Шарантона. На той стороне был ясно виден старый винный рынок, а левее - железнодорожный мост, на который медленно взбирался поезд.

Там, где некогда стояли редкие особняки, высились теперь шести-семиэтажные доходные дома, в нижних этажах которых разместились магазины и бистро. И все же то там, то здесь еще виднелись пустыри, мастерские, несколько одноэтажных домишек.

- Какой номер?

Мегрэ ответил, и они остановились перед домом, который некогда выглядел богатым. Трехэтажный особняк, сложенный из камня и кирпича; позади него высилась огромная труба, напоминающая фабричную. Около ворот стояла машина. Полицейский агент прохаживался взад и вперед по тротуару. Трудно было определить, находится этот дом в Париже или уже в Иври. Очевидно, именно эта улица и была границей, отделяющей пригород от столицы.

- Здравствуйте, господин комиссар. Вас ждут наверху. Калитка не заперта.

Ворота, выкрашенные в зеленый цвет, казались очень большими. Мегрэ и его спутник вошли в узкую калитку и сразу же очутились под сводами, похожими на своды уголовной полиции, только с той разницей, что здесь туннель заканчивался двумя дверьми с облезлыми матовыми стеклами. Одно стекло было выбито и заделано куском картона.

Здесь было холодно и сыро. Мегрэ не мог сразу решить, в какую из дверей войти. Наконец он выбрал правую и, по-видимому, не ошибся, потому что перед ними открылось нечто вроде холла с широкой лестницей, идущей вверх.

Стены, некогда белые, давно пожелтели и были покрыты коричневыми потеками. Штукатурка потрескалась и во многих местах отвалилась большими кусками. Первые три ступени были из мрамора, остальные деревянные, давно не мытые, они громко скрипели под ногами.

Кто-то стоял наверху. Молодой человек с усталым лицом смотрел на них, перегнувшись через перила. Как только Мегрэ вступил на площадку второго этажа, он представился:

- Легран, секретарь комиссариата Иври... Наш комиссар ждет вас... И снова холл; выложенный мраморными плитами, окна без штор, за которыми видны Сена и дождь.

Дом оказался громадным, с широкими коридорами, по обеим сторонам которых шли двери, как в административных зданиях, и везде тот же запах очень старой пыли. В конце какого-то узкого коридора секретарь свернул налево и, постучав в дверь, сразу же открыл ее. Они очутились в темной спальне, освещенной тусклой электрической лампочкой.

Окно спальни выходило во двор, и сквозь посеревшую от пыли муслиновую занавеску была видна труба, которую Мегрэ заметил еще с улицы.

Он был шапочно знаком с комиссаром района Иври, который не принадлежал к его поколению и, должно быть, поэтому пожал ему руку с преувеличенной почтительностью.

- Я прибыл немедленно... сразу же после телефонного звонка... - Доктор уже уехал?

- У него был срочный вызов. Я не считал необходимым его задерживать, так как с минуты на минуту должен появиться судебно-медицинский эксперт.

Убитый лежал на кровати. Кроме полицейского комиссара, в комнате никого не было.

- А семья?

- Я отправил их в гостиную, возможно, они разошлись по своим комнатам. Я думал, что вы предпочтете... Мегрэ вынул из кармана часы. Было без четверти десять... - Когда вас вызвали?

- Приблизительно час тому назад. Я только что вошел к себе в кабинет, как позвонили моему секретарю и просили меня приехать сюда.

- Вам известно, кто звонил?

- Да. Брат покойного, Арман Ляшом.

- Вы его знаете?

- Только по имени. Он иногда заходил в комиссариат, чтобы заверить подпись или для других формальностей. Это люди, которых не замечаешь... Эта фраза поразила Мегрэ: "Люди, которых не замечаешь".

Он понял, что хотел, сказать комиссар, потому что этот дом, так же как этикетки кондитерской Ляшом, казались чем-то бесконечно старомодным, совершенно чуждым современному миру.

Мегрэ давным-давно не видел такой спальни, сохранившей во многих мелочах облик прошлого столетий. В ней даже стоял умывальник с ящиками, облицованный серым мрамором, с фаянсовым тазом и таким же кувшином, украшенным крупными рисунками цветов, с мыльницами и подставкой для гребня из того же фаянса.

Сама по себе мебель, возможно, и не была уж такой безобразной; Некоторые предметы могли бы даже высоко оценить на аукционах или в антикварных магазинах, но все в целом производило впечатление чего-то мрачного, тоскливого, бесконечно угнетающего.

Казалось, что когда-то, очень давно, жизнь в этой комнате остановилась, не жизнь человека, лежащего на кровати, а жизнь всего дома, всего этого; мира, и сама фабричная труба, видневшаяся в окно, с выложенной на ней коричневыми кирпичами огромной буквой "Л" была нелепой и такой же безнадежно устарелой.

- Имело место ограбление? Ящики стола были выдвинуты. У распахнутой дверцы шкафа валялись на полу галстуки и белье... - Исчез бумажник. - Кто он такой? - Мегрэ указал на труп, лежащий на кровати. Простыни были смяты. Подушка свалилась на пол. Рука мужчины свесилась с кровати. На разорванной или сожженной выстрелом пижаме виднелись следы крови.

Если сегодня ранним утром окутанный туманом Париж напомнил Мегрэ о контрастных черно-белых тонах старых немых фильмов, то в этой комнате у него внезапно, возникло воспоминание об иллюстрированных воскресных газетах начала века, когда вместо фотографий публиковали гравюры, изображавшие драматические происшествия недели.

- Это Леонар Ляшом. Старший сын Ляшомов.

- Женатый?

- Вдовец.

- Когда это произошло?

- Сегодня ночью. По мнению доктора Вуазена, смерть наступила около двух часов ночи.

- Кто в это время находился в доме?

- Минуточку... Старики, отец и мать, в верхнем этаже, в левом крыле дома - Значит, уже двое... Мальчуган... - Какой мальчуган?

- Сын убитого... Мальчик лет двенадцати. Сейчас он в школе... - Несмотря на смерть отца?

- По-видимому, никто еще ничего не знал в восемь часов утра, когда мальчик обычно уходит в школу.

- Значит, никто ничего не слышал?.. Кто еще находился в доме? - Служанка... Ее зовут Катрин... Она спит наверху в левом крыле, там же, где старики и мальчик... Кажется, она одного возраста с этим домом, такая же ветхая, как все здесь... Есть еще младший-брат... Арман... - Чей брат?

- Убитого... Его спальня в другой конце этого коридора. Он женат... - Значит, все они ночью были дома и выстрел никого не разбудил?

- Так он утверждает, Я ограничился тем, что задал им несколько вопросов... Это весьма сложно... Увидите сами!

- Что сложно?

- Выяснить что-либо! Когда я приехал, то еще не знал, в чем дело. Арман Ляшом, тот самый, который позвонил в комиссариат, открыл мне дверь, услышав, что подъехала машина. У него был

вид невыспавшегося человека. Не глядя на метя, он пробормотал: "Мой брат убит, господин комиссар". Затем он проводил меня сюда и указал на эту кровать. Я спросил его, когда это произошло, а он мне ответил, что не имеет ни малейшего представления. Я настаивал: "Вы были дома?" - "Конечно. Я спал у себя в комнате".

Районный комиссар, казалось, был недоволен собой.

- Не знаю, как вам объяснить. Обычно, когда в какой-нибудь семье происходит подобная драма, все родственники находятся около убитого, одни плачут, другие пытаются что-то объяснить, в общем, ведут себя достаточно шумно. В данном же случае мне пришлось; довольно долго выяснять, что, кроме этих двух мужчин, в доме находились и другие люди.

- Вы видели остальных?

- Только жену.

- Жену Армана Ляшома, который вам позвонил, не так ли?

- Да, Я услышал шорох в коридоре. Открыл дверь и увидел ее. Она выглядела такой же утомленной, как и муж. Ничуть не смутилась, увидев меня. Я спросил ее, кто она такая. Арман ответил за нее: "Это моя жена..." Я спросил, не слышала ли она какой-нибудь шум сегодня ночью, она ответила - нет и объяснила, что обычно принимает на ночь снотворное, не помню уже какое, так как страдает бессонницей... - Кто обнаружил труп? Когда?

- Старуха служанка в восемь сорок пять утра.

- Вы ее видели?

- Да, наверное, она сейчас на кухне. Я подозреваю, что она глуховата. Заметив, что старшего сына нет в столовой, где вся семья обычно собирается к первому завтраку, старуха отправилась сюда и постучала. Затем вошла, увидела и сообщила остальным.

- А что говорят старики?

- Молчат. Мать убитого наполовину парализована и смотрит в одну точку, как будто она не вполне нормальна. Отец же настолько подавлен, что не понимает, о чем его спрашивают.

Районный комиссар повторил:

- Увидите сами!

Мегрэ обернулся к инспектору Жанвье.

- Сходи-ка взгляни. Жанвье ушел, а Мегрэ наконец подошел к убитому, лежащему на левом боку, лицом к окну. Кто-то уже закрыл ему глаза. Над полуоткрытым ртом темные с проседью усы. Его редкие волосы казались приклеенными ко лбу и вискам. Было трудно понять выражение его лица. По-видимому, он не успел ощутить боли. На лице его застыло изумление. Хотя, возможно, это выражение было вызвано полуоткрытым ртом и могло появиться уже после смерти.

В коридоре послышались шаги. Первым в комнату вошел помощник прокурора, с которым Мегрэ был давно знаком. Взглянув на убитого, он молча пожал руку Мегрэ. Секретарь суда также оказался старым знакомым, и Мегрэ приветствовал его кивком головы, но он никогда не встречал высокого молодого человека без шляпы и пальто, который вошел последним.

- Следователь Анжело... Молодой человек протянул холеную, сильную руку, руку теннисиста, и Мегрэ снова подумал о том, что новое поколение приходит ему на смену.

Правда, следом за ним в комнату ворвался старый доктор Поль. Он запыхался, но был, как всегда, возбужден, и на лице его было написано живейшее любопытство.

- Где мертвяк?

Мегрэ заметил, что серо-голубые глаза молодого следователя стали ледяными. Он нахмурился. Доктор Поль его явно шокировал.

- Фотографы уже закончили? - спросил доктор Поль.

- Еще не приходили. Но вот, кажется, и они.

Теперь нужно было ждать, пока фотографы и эксперты оперативного отдела, которые заполнили комнату, закончат свою работу.

Отведя Мегрэ в сторону, помощник прокурора спросил:

- Семейная драма?

- Говорят, что произошло ограбление.

- Никто ничего не слышал?

- Да, так они утверждают.

- А сколько человек было в доме?

- Подождите, я сосчитаю... Старики и служанка, уже трое... Мальчуган... - Какой мальчуган?

- Сын убитого... Значит, четверо... Еще брат с женой. Итого шесть! Шесть человек, помимо убитого, и никто ничего не слышал... Помощник прокурора подошел к косяку двери и провел рукой по обоям.

- Стены толстые, но все же!.. Нашли оружие?

- Не знаю... Районный комиссар ничего не сказал. Я жду, когда окончатся формальности, чтобы начать допрос... Фотографы искали розетки, чтобы включить свою аппаратуру, и, не найдя их, были вынуждены вывернуть лампочку из люстры. Они суетились, ворчали, толкали друг друга, перекидываясь короткими фразами, а молодой следователь в сером костюме, похожий на студента-спортсмена, стоял неподвижно, не произнося ни одного слова.

- Как вы считаете, я могу уйти? - спросил районный комиссар. - Меня наверняка ждет целая куча народа. Я могу послать вам несколько полицейских агентов на случай, если около дома начнет собираться толпа зевак... - Пожалуйста, буду вам благодарен... - Может быть, вам понадобится один из моих инспекторов, знающих этот район?

- Конечно, понадобится, только позднее. Я вам позвоню. Еще раз спасибо.

Уходя, районный комиссар повторил:

- Сами увидите!

Помощник прокурора спросил шепотом:

- Что вы должны увидеть?

Мегрэ ответил:

- Семейство... Все окружение покойного... Около убитого никого не было, когда приехал районный комиссар... Все сидели по своим комнатам или в столовой. Никто до сих пор не подает признаков жизни. Их не слышно.

Помощник прокурора оглядел мебель, обои, покрытые пятнами сырости, зеркало над камином, на котором виднелись, следы, оставленные несколькими поколениями мух.

- А меня это ничуть не удивляет... Фотографы ушли первыми, и в комнате стадо свободнее. Доктор Поль приступил к беглому осмотру трупа, пока эксперты искали отпечатки пальцев и обыскивали комнату.

- В котором часу он умер, доктор?

- Я смогу это сказать более точно после Вскрытия, но, во всяком случае, он был убит добрых шесть часов тому назад. - Наповал?

- Выстрелом в упор... Входное отверстие величиной с блюдечко. Вокруг раны следы ожога... - А пуля?

- Я найду ее во время вскрытия, так как она застряла в грудной клетке. Это дает основание предполагать, что стреляли из револьвера малого калибра.

Руки доктора были в крови, он подошел к умывальнику, не кувшин оказался пустым.

- Так. Но где-нибудь должен же быть кран... Кто-то открыл дверь. Младший брат убитого Арман Ляшом стоял в коридоре. Он молча провел Поля в обветшалую ванную комнату, посередине которой возвышалась допотопная ванна на высоких выгнутых ножках; из кранов капала вода, очевидно, уже много лет, потому что на эмали, виднелись темнокоричневые следы.

- Я вас оставляю, Мегрэ, работайте, - сказал со вздохом помощник прокурора и обернулся к новому следователю. - Я возвращаюсь в прокуратуру.

Следователь пробормотал:

- Простите, что я не могу вас сопровождать. Я остаюсь.

Мегрэ вздрогнул и чуть не покраснел, увидев, что молодой чиновник это заметил. Следователь поспешно добавил:

- Не сердитесь, господин комиссар. Вы же знаете, что я только дебютант. Для меня это возможность многому научиться.

Не звучала ли легкая ирония в его голосе? Он был вежлив, даже слишком вежлив. И абсолютно холоден, несмотря на свое внешнее дружелюбие.

Да, это, безусловно, был представитель новой школы, из тех, которые полагают, что следователь прокуратуры должен с начала до конца вести следствие и что роль комиссара уголовной полиции сводится только к тому, чтобы выполнять его приказания.

Жанвье, стоявший в дверях и слышавший весь разговор, обменялся с Мегрэ красноречивым взглядом.

Глава 2

Мегрэ никак не удавалось скрыть свое дурное настроение, и он приходил в бешенство при мысли, что следователь это заметил и, конечно, считает, что причиной раздражения Мегрэ является его присутствие, а это было правдой лишь наполовину. Ведь еще утром на бульваре Ришар-Ленуар история с шарфом вызвала у него множество мрачных мыслей. Этот Анжело такой свеженький, такой энергичный, казалось, только что соскочил со школьной скамьи. Может быть, он необыкновенная личность, один из тех людей, которых можно пересчитать по пальцам в каждом поколении, или же ему протезируют какие-то влиятельные лица, иначе вместо назначения в Париж он прозябал бы долгие годы в какой-нибудь провинциальной дыре. Когда помощник прокурора представлял их друг, другу, молодой чиновник ограничился рукопожатием настолько крепким, что оно могло показаться дружеским, но при этом не сказал ни одного слова из тех, к которым так привык комиссар Мегрэ. Конечно, он не мог сказать, как говорили старые коллеги:

- Восьма, рад встретиться с вами. А иные смущенно бормотали:

- Счастлив снова работать с вами.

Трудно было представить, что Анжело никогда, не слышал о нем. Однако он не проявил ни уважения, ни любопытства. Было ли это нарочитым стремлением показать Мегрэ, что его популярность не производит на молодого человека впечатления? Или это было просто отсутствием любопытства, непритворным равнодушием представителя нового поколения? По взглядам, которые бросал на него молодой следователь, Мегрэ решил, что, возможно, это просто юношеская застенчивость или известная деликатность. И это смущало его еще больше, чем равнодушие. Он чувствовал, что за ним наблюдают, и пытался сохранить спокойствие. Он негромко сказал Жанвье:

- Займись пока рутинной.

Обоим было ясно, что за этим скрывается.

Затем он повернулся к Арману Ляшому. Тот был небрит и без галстука.

- Я полагаю, что здесь найдется комната, где там будет удобнее поговорить? - И добавил, снова ощутив промозглую сырость воздуха:

- Желательно, чтобы она была протопленной... Дотронувшись до старомодного калорифера, он убедился, что центральное отопление выключено.

Арман Ляшом не пытался быть любезным. Он помолчал, как будто что-то взвешивая, а потом устало опустил плечи и покорно сказал:

- Пройдемте сюда.

Не только в атмосфере дома, но и в поведении его хозяев чувствовалось нечто странное. Как уже заметил комиссар Иври, вместо дыданий, суматошной беготни, сбивчивых рассказов были слышны только приглушенные шаги, видны приоткрытые двери, за которыми скрывались люди, следящие за каждым, шагом представителей-уголовной полиции.

В слабо освещенном коридоре Мегрэ заметил в узкой щели приоткрытой двери темные волосы, блестящие глаза и стройную фигуру какой-то женщины.

В холле второго этажа Армаи Ляшом повернул налево и толкнул дверь в старомодную гостиную, где около железной печки сидели двое стариков.

Сын не сказал ни слова, даже не представил вошедших. Отцу можно было дать не меньше семидесяти пяти лет, а может быть, и все восемьдесят. В отличие от Армяна он был свежесвыбрит, в чистой рубашке и черном галстуке.

Он поднялся с большим достоинством и спокойствием, как будто бы председательствовал на каком-то заседании, поклонился и обернулся к Дене, которая, по-видимому, была его ровесницей. Половина ее лица была парализована, и неподвижный глаз казался стеклянным. :

Старик помог ей подняться, и оба безмолвно вышли в другую дверь.

Вероятно, это была та самая гостиная, где Обычно собиралась вся семья, это; чувствовалось по расположению мебели, по вещам, разбросанным повсюду. Мегрэ сел и повернулся к следователю Анжелю.

- Вы хотите что-либо спросить?

- Прошу вас, спрашивайте сами.

Следователь остался стоять, прислонившись к косяку двери.

- Я попрошу вас сесть, месье Ляйом, - продолжал Мегрэ. С таким же успехом он мог бы обратиться к утенке. Все вокруг казалось призрачным, реальным был только дождь за окном, который, шел не переставая.

- Расскажите, пожалуйста, все, что узнаете.

- Я ничего не знаю.

Голос был тусклым и монотонным, Арман смотрел в сторону, избегая взгляда Мегрэ.

- Покойный был вашим старшим братом, не так ли?

- Да, это мой брат Леонар, я уже говорил об этом вашему коллеге.

- Кондитерская фабрика еще существует?

- Конечно.

- Кто ею управлял? Он?

- Председателем правления является наш отец.

- Но кто фактически управлял фабрикой?

- Мой брат.

- А вы?
- Я занимаюсь выдачей материалов и экспедицией.
- Ваш брат давно овдовел?
- Восемь лет тому назад.
- Вы были в курсе его личной жизни?
- Он всегда жил здесь, вместе с нами.
- Тем не менее я полагаю, что вне этого дома у него могла быть личная жизнь, друзья, приятельницы, знакомые.
- Не знаю.
- Вы заявили районному комиссару, что исчез бумажник. Арман кивнул головой.
- Какая сумма могла находиться в этом бумажнике?
- Не знаю.
- Большая сумма?
- Не знаю.
- Ваш брат имел привычку хранить деньги, ну, например, несколько тысяч франков, у себя в комнате?
- Не думаю.
- Скажите, это он распоряжался фондами вашего предприятия?
- Он и бухгалтер.
- Где находится этот бухгалтер?
- Полагаю, что внизу.
- Куда помещали поступающие суммы?
- В банк.
- Каждый день?
- Деньги не поступают каждый день.
- Мегрэ делал усилие, чтобы оставаться спокойным и учтивым под равнодушным взглядом молодого чиновника.
- Но в конце концов деньги держали в каком-нибудь месте... - В сейфе.
- Где находится сейф?
- На первом этаже, в кабинете брата, - Сейф был взломан сегодня ночью?
- Нет.
- Вы проверяли?
- Да.
- Вы считаете" что убийца вашего брата пробрался в дом с намерением обокрасть его?
- Да.
- Незвестный, которого он никогда в глаза не видел?
- Да.
- Сколько рабочих на вашей фабрике?
- Сейчас около двадцати человек. Было время, когда у нас работало больше ста.
- Вы их всех хороню знаете?
- Да.
- Вы никого из них не подозреваете?

- Нет.

- Сегодня ночью вы ничего не слышали, несмотря на то, что ваша комната находится всего в нескольких шагах от комнаты вашего брата Леонара?

- Я ничего не слышал.

- Вы крепко спите?

- Возможно.

- Так крепко, что вас не смог разбудить даже выстрел, произведенный в десяти шагах от вас?

- Не знаю.

В эту минуту раздался глухой шум, и дом, несмотря на свои крепкие стены, буквально задрожал. Мегрэ встретился взглядом с молодым следователем.

- Это поезд?

- Да. Железная дорога проходит рядом с домом.

- А ночью проходит много поездов?

- Я не считал. Около сорока, наверное, особенно много проходит товарных составов, очень длинных.

В дверь постучали. Это был Жанвье, который сделал Мегрэ знак, что он хочет что-то сказать.

- Входи. Что случилось?

- Я нашел во дворе лестницу, лежащую в нескольких метрах от стены. Обнаружены следы на карнизе окна - в том месте, где ее прислоняли.

- Какого окна?

- Окна в холле, рядом с этой гостиной.. Оно выходит во двор. Лестница, по-видимому, недавно была приставлена к окну, часть стекла выдавлена, предварительно его натерли мылом.

- Вы знали об этом, месье Ляшом?

- Да, я сам обнаружил это.

- Почему же вы мне ничего не сказали?

- Я не успел.

- Где обычно находится эта лестница?

- Рядом со складом, во дворе, налево.

- Она была там и вчера вечером?

- По всей вероятности. Она должна была там находиться.

- Разрешите?

Мегрэ вышел из комнаты не только для того, чтобы взглянуть самому: ему хотелось передохнуть и набить трубку. В холле было два окна, одно выходило на набережную, другое, находящееся напротив, - во двор. Одно из стекол этого окна было разбито, на полу лежали осколки.

Он распахнул окно и заметил на сером камне карниза светлые следы от лестницы.

Взглянув в окно, он убедился, что Жанвье был прав: действительно, лестница лежала во дворе, замощенном булыжником. Из высокой фабричной трубы поднимался легкий дымок. В окне левого строения можно было разглядеть силуэты женщин, склонившихся над длинным столом.

Мегрэ уже собрался вернуться в гостиную, когда услышал шум открывающейся двери и увидел женщину в голубом халате.

- Разрешите, мадам, попросить вас зайти на минуту в гостиную.

Женщина как будто заколебалась, потом ту же завязала пояс халата и сделала шаг вперед.

Она была молода. Ее ненакрашенное лицо слегка блестело.

- Войдите, пожалуйста.

И, повернувшись к Арману Ляшому, Мегрэ добавил:

- Я полагаю, что это ваша жена?

- Да.

Супруги даже не взглянули друг на друга. - Садитесь, мадам.

- Благодарю вас.

- Вы тоже ничего не слышали сегодня ночью?

- Я каждый вечер перед сном принимаю снотворное.

- Когда вы узнали о смерти вашего шурина?

Она смотрела прямо перед собой, как будто вспоминая. - Я не поглядела на часы.

- Где вы находились?

- У себя в комнате.

- У вас общая комната с мужем?

Она снова заколебалась.

- Нет.

- Ваша комната выходит в коридор, почти напротив комнаты вашего шурина?

- Да. По правой стороне коридора две комнаты, моя и моего мужа.

- С каких пор у вас отдельные спальни?

Арман Ляшом кашлянул и, повернувшись к следователю, все еще стоящему у дверей, произнес нерешительно, голосом робкого человека, вынужденного сделать над собой усилие:

- Я сомневаюсь, что комиссар имеет право задавать вопросы, касающиеся нашей личной жизни. Мой брат был убит сегодня ночью с целью ограбления, а нас все время расспрашивают только о том, что мы делали сегодня ночью.

Тень улыбки скользнула по лицу следователя Анжело.

- Я полагаю, что комиссар Мегрэ задает вам подобные вопросы как свидетелям... - Я не люблю, когда беспокоят мою жену, и я не желаю, чтобы ее вмешивали в это дело.

Он сердился, как все застенчивые люди, которые редко высказывают свои чувства.

Мегрэ сказал мягко:

- Кто был главой вашей семьи, месье Ляшом?

- Какой семьи?

- Скажем, всех тех, кто живет в этом доме.

- Это касается только нас самих. Не отвечайте ему больше, Полет.

Мегрэ отметил про себя, что он не говорит жене "ты", но, возможно, так принято в определенном кругу, часто именно в этом и выражается снобизм.

- Если вы будете продолжать в таком духе, то вы еще, пожалуй, начнете допрашивать моих родителей, затем служащих и рабочих фабрики... - Да, конечно, я собираюсь это сделать.

- Мне неизвестны в точности ваши права... - Я могу вам дать разъяснение по данному вопросу, - вмешался следователь Анжело.

- Благодарю вас, но я предпочитаю продолжить этот разговор в присутствии нашего адвоката. Надеюсь, мне будет позволено вызвать его?

Следователь ответил не сразу:

- Ни один параграф закона не запрещает присутствия вашего адвоката. Но я еще раз, позволю себе напомнить вам, что вы и члены вашей семьи допрашиваетесь в качестве свидетелей и что в подобных случаях-обычно, не принято вызывать адвоката, так как... - Мы не, будем больше отвечать, пока он не придет.

- Как вам будет угодно.

- Я ему немедленно позвоню.

- Где, у вас телефон?

- В столовой.

Столовая помещалась в соседней комнате, и, когда Ляшом открыл дверь, все увидели стариков, сидящих у камина, в котором слабо горел огонь. Решив, что в столовую снова войдут чужие люди, старики хотели подняться и скрыться в глубине дома, но Армян Ляшом быстро прикрыл за собой дверь.

- Ваш супруг, мадам, по-видимому, очень потрясен случившимся. Она сурова взглянула на комиссара.

- Это вполне естественно, вам не кажется?

- Братья были близнецами?

- Между ними семь лет разницы.

Тем не менее братья были очень; похожи, даже усы, тонкие и длинные, были у них одинакие; из соседней комнаты доносился шум голосов. Следователе Анжело, не выражал ни признаков нетерпения, ни желания сесть.

- У вас нет никаких подозрений, никаких мыслей о, том, кто....

- Мой муж уже заявил, что мы не будем отвечать на ваши вопросы, пока не придет наш адвокат, - А кто ваш адвокат?

- Спросите об этом моего мужа.

- У вашего мужа, есть еще братья или сестры?

Она взглянула на него и не ответила. И все же она была совершенно непохожа на остальных членов семьи, Чувствовалось, что в других условиях она могла быть красивой и желанной, в ней как бы затаилась жизненная сила, которую она вынуждена была подавлять.

Странно было видеть ее в этом доме, где все говорило о минувших временах и давно прошедшей жизни.

Арман Ляшом вернулся в гостиную. И снова позади него мелькнули у камина лица двух стариков, похожих на восковые фигуры.

- Адвокат будет здесь через несколько минут. Он вздрогнул, услышав на лестнице тяжелые шаги. Мегрэ его успокоил.

- Это прошли за телом, - сказал он. - Прошу простить, но господин следователь может вам объяснить, что таков закон и что необходимо транспортировать убитого в патологоанатомический институт для вскрытия.

Занятно, что родственники как будто не испытывали никакого горя, только какую-то подавленность, беспокойство и оцепенение.

Множество раз за свою долгую практику Мегрэ оказывался в подобных же обстоятельствах, когда ему приходилось врываться в жизнь людей, в доме которых произошло преступление. Но ни разу он не испытывал подобного ощущения нереальности всего происходящего.

Ко всему этому добавился еще молодой следователь, представитель другого поколения, который ходил за ним буквально по пятам.

- Пойду погляжу, - пробормотал Мегрэ, - надо отдать кое-какие распоряжения... На самом деле ему не надо было давать никаких распоряжений, никаких советов, ибо люди, пришедшие с носилками, хорошо знали свое дело, Мегрэ ограничился тем, что на мгновение приподнял простыню, прикрывавшую лицо убитого, и взглянул на него еще раз.

Он заметил боковую дверь, открыл ее и очутился в пыльной неприбранной комнате, которая, по-видимому, была рабочим кабинетом, покойного Леонара Ляшома.

Жанвье, который стоял, наклонившись над письменным столом, вздрогнул от неожиданности:

- Ах, это вы, патрон... Он открывал один за другим ящики старинного бюро.

- Что-нибудь нашел?

- Нет. Мне не нравится эта история с лестницей. Мегрэ она тоже не нравилась. У него не было еще возможности побродить по дому и вокруг него, но тем не менее в этой истории с лестницей было нечто странное.

- Понимаете, - продолжал Жанвье, - ведь прямо под окном находится застекленная дверь, в которой выбито одно стекло. Войдя в эту дверь, можно легко пробраться сюда. Таким образом, грабителю не было никакой необходимости разбивать стекло в окне, так как в дверях вместо него был уже давно прибит картон. Зачем было тащить через весь двор такую тяжелую лестницу... - Понимаю.

- Он будет привязываться до конца?

"Он" - это был, конечно, следователь Анжело.

- Не знаю. Вполне возможно.

На этот раз они оба вздрогнули, так как на пороге комнаты неожиданно появилась маленькая старушонка, почти горбатая, которая мрачно и злобно смотрела на них.

Безусловно, это была та самая старая служанка, о которой рассказывал районный комиссар. Ее взгляд скользнул по их лицам, по выдвинутым ящикам, разбросанным бумагам. Наконец она пробормотала, явно сдерживаясь, чтобы не разразиться проклятиями:

- Комиссара Мегрэ ожидают в гостиной.

Жанвье спросил вполголоса:

- Мне продолжать, патрон?

- При данных обстоятельствах я и сам не знаю. Делай что хочешь.

Мегрэ последовал за горбуньей. Она открыла ему дверь в гостиную, где уже находилось новое лицо. Незнакомец представился:

- Метр Радель... Не начнет ли он говорить о себе в третьем лице?

- Очень приятно, метр.

Еще один молокосос, правда, постарше следователя Анжело. В этом старомодном доме, принадлежавшем прошлому веку, Мегрэ ожидал встретить иного адвоката, старого нечистоплотного сутягу.

Раделю никак нельзя было дать больше тридцати пяти лет, и, он был почти так же подтянут и выхолен, как, и следователь Анжело.

- Господа, мне известно лишь то, что месье Арман Ляшом счел необходимым сообщить мне по телефону, и посему я прежде всего прошу извинения за реакцию моего клиента. Попытавшись представить себя на его месте, вы его, безусловно, поймете. Я пришел сюда скорее в качестве друга, чем адвоката. Для того чтобы рассеять это недоразумение, заявляю, что Арман Ляшом очень плохо себя чувствует. Смерть его брата, бывшего душой этого дома, глубоко потрясла его, и нет ничего удивительного, что, будучи незнакомым с работой полиции, он уклонился от некоторых вопросов.

Мегрэ вздохнул, как бы набираясь терпения, и зажег потухшую трубку.

- Следовательно, я буду присутствовать по просьбе месье Ляшом при дальнейшем допросе, который вам угодно будет вести, но я настаиваю на том, чтобы мое присутствие не воспринималось как стремление данного семейства занять оборонительную позицию.

Он взглянул на следователя, затем на комиссара.

- Кого вы желаете допрашивать?

- Мадам Ляшом, - сказал Мегрэ, указывая на молодую женщину.

- Я только попрошу вас не упускать из виду, что мадам Ляшом так же глубоко потрясена, как и ее супруг.

- Мне хотелось бы допросить каждого из свидетелей в отдельности.

Арман Ляшом нахмурился. Метр Радель прошептал ему что-то на ухо, и тогда только он решился Выйти из комнаты.

- Скажите, мадам, не получал ли ваш шурин в последнее время каких-либо угрожающих писем?

- Конечно, нет.

- Он вам бы рассказал?

- Полагаю.

- И вам, и всем остальным членам семьи?

- Он бы сказал нам всем.

- И своим родителям тоже?

- Возможно, нет, считаясь с их преклонным возрастом.

- Следовательно, он рассказал бы об этом только вам и вашему мужу.

- Я считаю это вполне естественным.

- Отношения между обоими братьями были дружескими, родственными?

- Очень дружескими и очень родственными.

- А с вами?

- Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

- Какой характер носили ваши отношения с шурином?

- Простите за то, что я прерываю вас, - вмешался метр Радель, - но этот вопрос задан в такой форме, что может показаться тенденциозным. Я надеюсь, месье Мегрэ, что вы не имели намерения инсинуировать... - Я ничего не инсинуирую. Я только спрашиваю, были ли отношения между мадам Ляшом и ее шурином дружескими?

- Конечно, - сказала она.

- Нежными?

- Как во всех семьях, я думаю... - Когда вы видели его в последний раз?

- Но... сегодня утром... - Вы хотите сказать, что сегодня утром вы видели его мертвым в его комнате?

Она кивнула головой.

- Когда вы его видели в последний раз живым?

- Вчера вечером.

- В котором часу?

Невольно она бросила быстрый взгляд на адвоката.

- Было приблизительно половина двенадцатого ночи.

- Где вы его видели?

- В коридоре.
- В том самом коридоре, куда выходят двери и вашей и его комнаты?
- Да.
- Вы шли из этой гостиной?
- Нет.
- Вы были вместе с мужем?
- Нет. Я вернулась одна.
- Ваш муж оставался дома?
- Да. Он мало выезжает. В особенности с тех пор, как он чуть не умер от плеврита. У него всегда было слабое здоровье... - Когда вы уехали из дома? Она спросила адвоката:
  - Я должна отвечать?
  - Советую вам это сделать, несмотря на то, что данный вопрос, как и другие, касается вашей личной жизни и, совершенно очевидно, не имеет никакого отношения к имевшей место драме.
  - Я вышла из дома около шести часов.
  - Вечера?
  - Совершенно ясно, что не в шесть часов утра.
  - Возможно, ваш адвокат разрешит вам рассказать, что вы делали до половины двенадцатого ночи?
  - Я обедала в ресторане.
  - Одна?
  - Это мое дело.
  - А после обеда?
  - Была в кино.
  - В районе вашего дома?
  - Нет. На Елисейских полях. Когда я вернулась, в доме было уже темно, во всяком случае со стороны набережной. Я поднялась по лестнице, вошла в коридор и увидела, как дверь в комнату моею шурина открылась.
  - Он ждал вас?
  - Не вижу к тому оснований. У него была привычка очень поздно читать в маленьком кабинете рядом с его спальней.
  - Он вышел из этого кабинета?
  - Нет, из спальни.
  - Как он был одет?
  - В халате. В пижаме и в халате. Он сказал: "А! Это вы, Полет..." Я ответила: "Добрый вечер, Леонар". Вот и все.
  - Затем каждый из вас вернулся к себе?
  - Да.
  - Вы еще разговаривали с вашим мужем?
  - Мне не о чем было с ним говорить.
  - Ваши спальни сообщаются?
  - Да. Но смежная дверь почти всегда закрыта.
  - На ключ?

Адвокат немедленно вмешался:

- Я считаю, господин комиссар, что вы превышаете... Молодая женщина устало пожала плечами.

- Нет, не на ключ, - бросила она презрительным тоном.

- Следовательно, вы не видели вашего мужа?

- Нет. Я разделась и сразу легла.

- У вас отдельная ванная комната?

- Дом старый. В нем только одна ванная на каждом этаже, в конце коридора.

- Вы ходили туда?

- Конечно. Вам нужны еще подробности?

- Вы не заметили, горел ли еще свет в комнате вашего шурина?

- Я видела свет под его дверью.

- Вы ничего не слышали?

- Ничего.

- Ваш шурин посвящал вас в свои секреты?

- Это зависит от того, что вы называете секретами.

- Случается, что мужчина предпочитает рассказать некоторые вещи женщине, а не своему брату или, например, своим родителям. Невестка одновременно является и родственницей и посторонней.

Она слушала его, не выражая нетерпения.

- Не рассказывал ли вам Леонар Ляшом, овдовевший несколько лет тому назад, о своих любовных связях?

- Я даже не знаю, были ли они у него.

- Он часто уходил из дому?

- Очень редко.

- Вы знаете, куда он ходил?

- Это меня не касалось.

- Мне сказали, что его сыну двенадцать лет.

- Ему исполнилось двенадцать месяцев тому назад.

- Леонар Ляшом лично занимался его воспитанием?

- Ни больше и ни меньше, чем все занятые делами отцы. Леонар очень много работал, ему случалось после обеда уходить снова на фабрику.

- Ваша свекровь почти парализована.

- Она ходит только с палкой, и кто-нибудь должен поддерживать ее на лестнице.

- Ваш свекор тоже не слишком подвижен?

- Ему семьдесят восемь лет.

- Служанка, насколько я заметил, тоже не очень проворна. Если я верно понял, то ребенка все же поместили вместе с этими тремя стариками в левом крыле третьего этажа.

Она сказала:

- Жан-Поль... Спихватившись, она замолчала.

- Вы хотели сказать, что Жан-Поль, ваш племянник... - Я не помню, что я хотела: сказать.

- С какого времени он спит: на третьем этаже?

- Недавно.

- Год?.. Месяц? Неделю?..

- Около недели.

Мегрэ был уверен, что это вырвалось у нее непроизвольно, адвокат также это заметил и немедленно вмешался.

- Я удивляюсь, господин комиссар, неужели вы не могли получить эти сведения от других лиц. Мадам Ляшом пережила сегодня утром большое потрясение, и ей даже не дали возможности закончить свой туалет. Я считаю, что ее муж более подходит для... - Во всяком случае, метр Радель, я закончил допрос, по крайней мере на сегодня. Если, конечно, у господина следователя нет к ней дополнительных вопросов.

Следователь отрицательно покачал головой.

- Простите, что я задержал вас, мадам... - Вы хотите, чтобы я прислала вам мужа?

- Несколько позже. Я хочу сначала кратко допросить вашу старую служанку. Ее зовут... - Катрин. Она больше сорока лет работает в доме, и ей почти столько же лет, как родителям моего мужа. Я посмотрю, не на кухне ли она.

Полет вышла из комнаты. Адвокат хотел что-то сказать, но сразу же раздумал-и закурил сигарету, предварительно постучав ею по серебряному портсигару.

Он предложил сигарету следователю Анжелю, но тот отказался:

- Благодарю. Я не курю.

Мегрэ, которому очень хотелось пить, но не хотелось ничего в этом доме просить, торопился как можно скорее уйти.

Прошло довольно много времени, прежде чем они услышали шаркающие шаги и какое-то царапанье за дверью.

- Войдите.

Вошла старая Катрин. Она обвела их еще более мрачным, чем прежде, взглядом и вызывающим тоном произнесла:

- Что вам от меня нужно? Кроме того, если вы будете так дымить по всему дому, у месье Феликса снова будет приступ астмы.

Что было делать? Под ироническим взглядом следователя Мегрэ со вздохом положил трубку на столик.

Глава 3

Более чем когда-либо смущенный поведением следователя и присутствием адвоката, нетвердым голосом, как бы нащупывая почву, Мегрэ спросил:

- Мне сказали, что вы живете в этом доме уже лет сорок? Он хотел задобрить ее, доставить ей удовольствие. Но в ответ она злобно взвизгнула:

- Кто же это вам сказал?

В ту минуту, когда Мегрэ подумал, что роли переменялись и теперь он обязан отвечать на ее вопросы, старуха заявила:

- Совсе не сорок, а все пятьдесят лет как я в доме. Я поступила сюда, когда моей бедной хозяйке было всего двадцать лет и она ожидала ребенка - месье Леонара.

Мегрэ быстро сосчитал в уме: старой, мадам Ляшом казалось на вид столько же лет, сколько ее мужу, а на самом деле ей всего семьдесят! Как выглядел дом в те времена, когда Катрин,

молоденькая служанка, приехавшая прямо из деревни, вошла в него, а ее молодая хозяйка ждала первого ребенка?

Нелепые мысли одолевали Мегрэ. В ту эпоху, наверное, были еще живы родители старого Ляшома... На медной дощечке, Прикрепленной к двери, он прочел: "Фирма основана в 1817 году". Значит, вскоре после битвы под Ватерлоо. Возможно, что некоторые предметы обстановки до сих пор стоят на тех же местах, скажем, этот диван в стиле ампир. Каким бы он был красивым, если бы его не обили потом кричащим голубым бархатом!

В мраморном камине пылали тогда толстые поленья. Позже были установлены калориферы, которые теперь не работали - то ли из-за экономии, то ли потому, что котел был в неисправности.

Печка просто гипнотизировала его - маленькая круглая печурка из проржавевшего железа. Точно такие печки можно было увидеть в прежние времена на маленьких деревенских полустанках.

Все здесь пришло в упадок, люди так же, как и вещи. Семья к дому, замкнувшись в себе, стали выглядеть хмурыми и враждебными. Старая Катрин сказала несколько слов, которые лучше, чем все остальные, определили эпоху. Рассказывая о том, каким ребенком был Леонар, она с гордостью воскликнула:

- Это я выкормила его!

Значит, она поступила в этот дом не служанкой, а кормилицей, и Мегрэ невольно посмотрел на ее плоскую грудь, на небрежно висящую черную, грязную юбку. Старуха была грязной. Все здесь было каким-то нечистым, поломанным, изношенным и кое-как самодельно починенным.

Именно потому, что его тревожили все эти мысли, Мегрэ задал глупый вопрос, который молодой следователь Анжело впоследствии, конечно, не преминет повторить своим коллегам:

- И месье Армана вы тоже вскормили? Ответ последовал мгновенно.

- Откуда, интересно, я взяла бы молоко?

- У Ляшомов есть еще дети?

- Есть. Мадемуазель Вероника.

- Она здесь не живет?

- Да, уже аорядочно времени прошло, как она уехала.

- Я полагаю, что сегодня ночью вы ничего, не слышай?

- Ничего.

- В котором, часу обычно вставал Месье Леонар?

- Он встает когда ему вздумается.

- Вы знаете его друзей, его знакомых?

- Я никогда не совала нос в личные дела своих хозяев и вам не советую этим заниматься. Вы сюда пришли, чтобы найти преступника, который убил месье Ляшома, а не для того, чтобы вмешиваться в семейные дела.

Повернувшись к нему спиной, она направилась к двери столовой.

Он чуть было ее не остановил, но зачем? Если нужно будет ее допросить, он это успеет, сделать, когда рядом не будет следователя и адвоката, который смотрит? Да него, явно торжествуя.

Он, конечно, тока еще бродит в потемках. Но последнее слово все равно останется за имя.

Вызвать ли ему старого Феликса Ляшома и его наполовину парализованную жену? Было бы вполне логично допросить их, но он боялся, что снова произойдет сцена, в которой столь прославленный Мегрэ окажется не на высоте.

Не успела служанка выйти, как ояднова зажег свою трубку и направился в холл, откуда досмотрел из окна на длинную лестницу, лежащую поперек тора. Как он и ожидал, адвокат и следователь вошли за ним. Один раз в жизни ему уже пришлось вот так же работать в присутствии свидетелл, внимательно следящего за каждым его поступком и словом, правда, то дело было в тысячу раз менее неприятным. Некий инспектор Пайк из Скотленд-Ярда добился разрешения присутствовать при одном расследовании, чтобы лучше усвоить его методы, И Мегрэ никогда в жизни не чувствовал, себя более неловко.

Слишком много людей воображало, что его знаменитые методы представляют собой нечто вроде кулинарных рецептов, установленных раз и навсегда, и что достаточно выполнять их буквально, чтобы добиться успеха.

- Я полагаю, что вы намереваетесь допросить Армана Ляшома?

По-видимому, это спросил адвокат. Не будучи вполне уверенным в этом, Мегрэ взглянул на него и отрицательно мотнул головой.

- Нет. Я пройду по первому этажу.

- Вы не будете возражать, если я последую за вами?

- Принимая во внимание, что мои коллеги... - это уже сказал следователь.

Мегрэ пожал плечами и начал спускаться по лестнице, разглядывая то, что некогда было прекрасной и элегантной квартирой богатых буржуа.

Внизу он наобум открыл какую-то дверь и обнаружил просторный зал, погруженный в темноту, так как ставни были закрыты. Здесь царствовал запах плесени и затхлости. Он ощупью нашел выключатель. Из десяти лампочек хрустальной, с оборванными гирляндами люстры загорелись только две.

В одном углу стоял рояль, а в другом старинный клавесин, вдоль стен, лежали свернутые ковры. В середине комнаты прямо на полу валялись груды старых журналов, бумаги, зеленых канцелярских папок и жестяных коробок из-под печенья.

Если когда-либо в этой комнате играли на рояле и танцевали, то теперь, совершенно очевидно, уже много лет сюда никто не входил. Красный шелк, которым были обиты стены, был разорван в нескольких местах.

Полуоткрытая дверь вела в библиотеку с пустыми полками, на которых кое-где лежали книги в красных обложках - несколько растрепанных томов, похожих на те, которые встречаются на набережной у букинистов.

А где остальные книги? Проданы? Вполне правдоподобно. Мебель тоже распродана, потому что ее нигде не было видно, только в третьей комнате, еще более сырой, чем остальные, стоял бильярд с заплесневевшим сукном.

Голос Мегрэ прозвучал странно и глухо, словно в кладбищенском склепе, когда он сказал, скорее себе самому, чем тем двоим, которые все еще шли следом за ним:

- Я думаю, что кабинеты фирмы находятся по ту сторону арки.

Они прошли под сводами, куда доносились голоса полицейских агентов, которые отгоняли десятка два любопытных, толпившихся около дома.

Наконец, они нашли комнату более обитаемого вида. Это был рабочий кабинет, действительно похожий на кабинет, хотя и старомодный. Стены его были покрыты деревянными панелями и украшены двумя портретами, писанными маслом в прошлом столетии, и фотографиями. Последняя из них, по-видимому, изображала Феликса Ляшома в возрасте пятидесяти-шестидесяти лет. Здесь была представлена вся династия Ляшомов, отсутствовал пока еще портрет Леонара.

Мебель по стилю представляла собой нечто среднее между готикой и ренессансом, такая мебель встречается только в очень старых коммерческих фирмах Парижа. В застекленной витрине были выставлены образцы различного печенья фирмы Ляшом в разнообразной упаковке.

Мегрэ постучал в другую дверь.

- Войдите!

Это снова был кабинет, такой же старомодный, только в нем царил еще больший беспорядок, среди которого, склонившись над толстой книгой, сидел лысый человек лет пятидесяти.

- Я полагаю, что вы и есть бухгалтер?

- Да, я бухгалтер Жюстен Брэм.

- Комиссар Мегрэ.

- Я знаю.

- Месье Анжело - следователь, метр Радель - семейный адвокат Ляшомов.

- Очень приятно.

- Я: полагаю, месье Брэм, вы в курсе того, что произошло сегодня ночью?

- Попрошу вас присесть, господа.

Напротив письменного стола бухгалтера стоял еще один стол.

- А это стол Армана Ляшома?

- Да, месье. Фирма Ляшом принадлежит одной семье в течение нескольких поколений, и еще совсем недавно месье Феликс занимал соседний кабинет, который его отец и дед занимали до него.

Брэм был толстым человеком с желтым цветом лица. В открытую дверь был виден еще один кабинет, в котором работали мужчина в серой блузе и машинистка средних лет.

- Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

- Мегрэ указал на старомодный громоздкий сейф, который, несмотря на свои размеры и тяжесть, не устоял бы даже перед взломщиком-новичком.

- Вы держите наличные деньги в этом сейфе? Месье Брэм сначала закрыл дверь в соседнюю комнату и, вернувшись с, несколько смущенным видом, бросил взгляд на адвоката, как бы спрашивая у него совета.

- О каких наличные деньгах вы говорите? - спросил он наконец одновременно наивно и грубовато.

- У вас имеется штат служащих, следовательно, вам приходится выплачивать им жалованье... - Увы! Даже слишком часто приходится это делать.

- Но у вас должны быть оборотные средства... - Они должны были бы у меня быть, господин комиссар! К несчастью, мы уже давно живем ссудами под большие проценты. Вот сегодня утром у меня в этом сейфе находится не больше десяти тысяч франков <Старых франков>. И они мне сегодня же утром понадобятся, чтобы расплатиться по одному счету. - Ваши рабочие и работницы знают о положении фирма?

- Им случается дожидаться жалованья по несколько дней, а порой получать его частями.

- Значит, никому из них не пришла бы в голову мысль ограбить дом?

Услышав такое предположение, месье Брэм беззвучно рассмеялся.

- Безусловно, нет.

- Вашим соседям также известно финансовое положение фирмы?

- Лавочник, мясник, молочник приходят по три, а то и по четыре раза, прежде чем им заплатят... Было очень неприятно расспрашивать дальше. Это походило на публичное обнажение, и все же это было необходимо.

- У Ляшомов нет личного состояния?

- Никакого.

- Как вы думаете, сколько денег могло быть в бумажнике месье Леонара?

Бухгалтер сделал неопределенный жест.

- Немного. Какая-нибудь мелочь.

- И все же фирма продолжает существовать.

Месье Брэм снова взглянул на адвоката.

- Мне кажется, - вмешался тот, - что следствие все больше и больше интересуется моими клиентами, а не убийцей. Мегрэ проворчал:

- Вы рассуждаете, как старая Катрин, метр. Как, по-вашему, я найду убийцу, если не буду знать мотивы, которые толкнули его на это? Нас ведь пы тают, чтобы убедить, что это сделал грабитель... - Лестница это до казывает... Комиссар скептически проворчал:

- Конечно! И еще исчезновение бумажника! И тот факт, что до сих пор не найдено оружие... Мегрэ вел допрос стоя. Остальные также не сажались, несмотря на приглашение бухгалтера, который явно устал стоять и все время косился на свое мягкое кресло.

- Скажите, месье Брэм, вам все же удастся оплачивать ваших служащих, поскольку они продолжают работать?..

- Каждый раз эти похоже на чудо.

- А откуда появляются эти волшебные деньги? Бухгалтер начал проявлять признаки волнения.

- Месье Леонар мне их всегда вручал сам.

- Наличными?

Метр Радель сказал вкрадчивым голосом:

- Вы не обязаны отвечать на этот вопрос, месье Брэм.

- Все равно, это., узнают при проверке денежных документов фирмы или поедав запрос в банк... Деньги мне обычно вручались в форме чека... - Вы хотите сказать, что у месье Леонара был личный счет в банке, а не общий с фирмой Ляшом, и что именно с этого счета он снимал нужные суммы, когда необходимость к этому вынуждала?

- Нет. Дело касается мадам Ляшом.

- Матери месье Леонара?

- Нет, мадам Полет. Наконец-то что-то стало проясняться, и Мегрэ, удовлетворенный, сел.

- Садитесь за ваш стол, месье Брэм. Отвечайте спокойно. С какого времени мадам Полет, как вы ее называете, то есть жена Армана Ляшома, играет роль провидения этого дома?

- С того момента, когда она в него вошла.

- Когда состоялась их свадьба?

- Шесть лет тому назад, два года спустя после смерти мадам Марсель.

- Простите, кто была эта мадам Марсель?

- Жена месье Леонара.

- Итак, значит, шесть лет тому назад Арман Ляшом женился на Полет... Полет, как дальше?

- Полет Зюбер.

- У нее было состояние?

- Очень большое.

- Ее родители живы?

- Ее отец умер пять месяцев назад, она была его единственной дочерью. Что же касается матери, то она ее не знала.

- Кто был Зюбер?

Это имя, несомненно, было знакомо Мегрэ, почему-то ему казалось, что он слышал его в криминальной полиции.

- Фредерик Зюберский, называвший себя Зюбером, торговал кожей.

- У него были какие-то неприятности с полицией, не так ли?

- Налоговый инспектор одно время буквально гонялся за ним. И кое в чем он был замешан во время войны... Вспомнил! Зюберский, называвший себя Зюбером, одно время пользовался широкой известностью. Он начал свою карьеру с того, что ездил на тележке по деревням и собирал у крестьян необработанные шкуры, затем он обзавелся складом - как раз в Иври, недалеко от дома Ляшомов.

Еще до войны состояние его считалось значительным. К тому времени у него было довольно много грузовиков и многочисленные склады в провинции. Позднее, спустя два-три года после освобождения, ходили слухи, что он сколотил себе огромное состояние во время оккупации, я поговаривали о его скором аресте.

То, что газеты так много писали о нем, можно в большой степени отнести за счет живописности этой фигуры. Зюбер был простак, плохо скроенный, плохо одетый, говорящий по-французски с сильным акцентом, почти безграмотный.

Он ворочал миллионами, некоторые утверждали, что даже миллиардами, и еще поговаривали, что в действительности он лично или через подставных лиц имел монополию на все кожевенное сырье.

Сам Мегрэ не занимался делом Зюбера, оно проходило через финансовый отдел. В конце концов об этом деле перестали говорить, и комиссар не знал, как оно кончилось.

- Отчего умер Зюбер?

- От рака, его оперировали в клинике Сент-Жозеф.

- Если я вас правильно понял, фирма Ляшом продолжает еще кое-как существовать благодаря его деньгам?

- Вступая в брак, мадам Полет принесла значительное приданое... - Которое она целиком вложила в кондитерскую фабрику Ляшомов?

- В большей или меньшей степени. Скажем, что к ее помощи прибегали каждый раз, когда это было необходимо.

- А затем, когда это приданое было истрачено? Оно ведь вышло быстро истрачено?

- Да.

- Так что же предприняли, тогда?

- Мадам Полет отправлялась к своему отцу... - А он не приезжал сюда сам?

- Я его здесь ни разу не видел. Если он и бывал в доме, то по вечерам, в квартире хозяев, но я в этом не вполне уверен.

- Я, право, не понимаю, господин комиссар, чего вы добиваетесь, - снова запротестовал адвокат.

Следователь же казался весьма заинтересованным, и в его светлых глазах появились лукавые огоньки.

- Я и сам этого не знаю, - признался Мегрэ. - Понимаете, метр, в начале расследования продвигаешься в полной темноте, и поэтому можно идти только ощупью. Итак, Фредерик Зюбер выдал замуж свою единственную дочь за младшего сына Ляшомов, Армана, и дал ей значительное придание. Вы не знаете сумму?

- Я протестую.

Это снова, сказал Радель, который просто не мог усидеть на месте.

- Хорошо. Я не настаиваю. Кондитерские изделия поглотили приданое. Затем периодически; Полет посылала у отцу, которого не принимали в доме... - Месье Брэм этого не говорил.

- Хорошо, я делаю поправку... Которого не принимали или же который не был близким другом семьи... Затем папаша Зюбер выкидывал им подачку.

Вульгарность Мегрэ была выражением протеста против навязанного ему присутствие молодого следователя и адвоката.

- Потом Зюбер скончался. Ляшомы присутствовали при его погребении?

Месье Брэм слабо улыбнулся.

- Это меня не касается... - А вы сами были на похоронах?

- Нет.

- Я полагаю, что существует свадебный контракт. Такая старая лиса, как Зюбер, не мог бы... - Они поженились по свадебному контракту, предусматривающему раздельное владение имуществом.

- И Полет Ляшом несколько месяцев назад получила наследство после смерти отца? Так?

- Да, так.

- Таким образом, теперь она оплачивает все расходы? Это к ней надо обращаться, когда в кассе нет денег, а нужно рассчитываться с поставщиками и выдавать жалованье рабочим?

Радель, навязчивый как муха, снова вмешался:

- Я не знаю, куда вас все это приведет... - Я сам не знаю, метр. Но я также не знаю, куда меня приведет, если я начну разыскивать по всему Парижу настолько глупого грабителя, что он способен влезть в дом, где нет никаких денег, воспользовавшись при этом огромной тяжелой лестницей и разбив окно, в то время как под этим самым окном, на первом этаже, есть застекленная дверь. И все это он проделывает для того, чтобы проникнуть в комнату спящего человека, убить его из оглушительно стреляющего револьвера и завладеть почти пустым бумажником.

- Откуда вы знаете? Может быть, все было совсем иначе.

- Действительно! Мадам Ляшом могла вчера вечером вручить месье Леонару определенную сумму. Но все-таки не надо забывать, что здесь, в кабинете, стоит этот монументальный сейф. Открыть его мог бы ребенок, но к нему даже не прикоснулись! Я должен напомнить, что в момент преступления в доме находилось по меньшей мере шесть человек... - Случались ограбления еще более загадочные.

- Согласен. Но чтобы проникнуть во двор, в котором находилась лестница, надо было перелезть через ограду высотой три с половиной метра, если я верно заметил. И наконец, в нескольких шагах от комнаты, где раздался выстрел, спали два человека, которые ничего не слышали.

- Дом находится в непосредственной близости от железной дороги, по которой непрерывно идут поезда.

- Я этого не отрицаю, месье Радель, моя профессия заключается в поисках истины, и я ее ищу. Само ваше присутствие могло бы подсказать мне, что искать эту-истину нужно недалеко, ибо редко случается, чтобы родственники убитого вызывали адвоката прежде, чем полиция успеет их

допросить. Я задам вам вопрос, на который вы, конечно, не ответите. Арман Ляшом при мне позвонил вам, чтобы вызвать вас сюда. Где вы живете, метр?

- На площади Одеон. В двух шагах отсюда.

- Действительно, вы-приехали через десять минут. Вы не проявили особого удивления и задали очень мало вопросов. Можете ли вы утверждать, что вы не были в курсе дела раньше нас? Не было ли вам уже известно, о том, что произошло сегодня ночью?

- Я решительно протестую против... - Против чего? Как вы сами понимаете, я не обвиняю вас в том, что сегодня ночью вы проникли в этот дом через окно. Я только думаю, не позвонили ли вам первый раз рано утром, чтобы поставить вас в известность о случившемся и спросить вашего совета?

- Я вынужден проявить максимальное самообладание, чтобы в присутствии господина следователя не указать на то, к каким последствиям может привести подобное обвинение.

- Это не обвинение, метр, а простой вопрос. Если вам угодно, вопрос, который я задал самому себе. Мегрэ был крайне раздражен.

- Что касается вас, месье Брэм, я вам весьма благодарен. Мне, конечно, придется вернуться сюда и задать вам еще несколько вопросов. Господин следователь сам решит, нужно ли опечатать кабинет.

- А вы как считаете?

Анжело предоставлял Мегрэ решать все самому.

- Я не считаю, что это необходимо. После того, что нам сообщил месье Брэм, вряд ли документы и бухгалтерские книги откроют что-либо новое.

Он принялся искать свою шляпу и заметил, что оставил ее наверху. - Я схожу за вашей шляпой, - предложил бухгалтер.

- Не беспокойтесь.

Подойдя к лестнице, Мегрэ увидел старую Катрин, которая следила за ним, перегнувшись через перила, явно карауля его.

- Вам нужна ваша шляпа?

- Да. Моего инспектора нет наверху?

- Он уже давно ушел. Держите!

Не дожидаясь, когда он поднимется, она бросила ему шляпу и, пока Мегрэ наклонялся за ней, Катрин плюнула вниз.

***

Адвокат с ними не пошел. Дождь, все такой же унылый и холодный, разогнал толпу любопытных, и перед подъездом осталось лишь несколько зевак, которых удерживал на расстоянии один полицейский. Журналисты каким-то чудом, еще ничего не пронюхали. Две черные служебные машины - , следователя и Мегрэ - стояли у края тротуара.

- Вы возвращаетесь на набережную Орфевр? - спросил следователь, открывая дверцу своего автомобиля.

- Еще не решил. Я подожду Жанвье, он где-то здесь поблизости.

- Зачем вам его ждать?

- Потому что я сам не вожу машину, - простодушие ответил Мегрэ.

- Может быть, я вас подвезу?

- Спасибо. Я предпочитаю подождать и немножко подышать воздухом этого района.

Он предвидел, что следователь по дороге начнет задавать различные вопросы, станет возражать, давать советы, призывать к осторожности и сдержанности.

- Я просил бы вас, господин комиссар, позвонить мне около двенадцати и вообще держать меня в курсе событий. Я намерен тщательно следить за этим делом.

- Я понял вас. До свидания, господин следователь. Любопытные разглядывали их. Женщина, которая куталась в черную шаль. Вполголоса сказала своей соседке:

- Посмотри, это знаменитый Мегрэ.

- А молодой?

- Не знаю.

Мегрэ, подняв воротник, зашагал по тротуару. Он прошел метров пятьдесят и увидел Жанвье, который делал ему знаки, стоя в дверях быстро под вывеской "Для приятелей с набережной". В бистро никогд не было, кроме хозяйки за стойкой. Эта толстая растрепанная женщина все время заглядывала в раскрытую дверь кухни, следя за кастрюлей, стоящей на плите: и распространяющей сильный запах жареного лука.

- Что будете пить, патрон? Я уже выпил стакан грога. В такую погоду легко подцепить грипп.

Мегрэ тоже заказал грог.

- Ты что-нибудь нашел?

- Пока ничего. Уходя, я опечатал двери спальни.

- Ты звонил доктору Полю?

- Он еще не кончил вскрытие. Правда, один из его ассистентов сказал, что в желудке найдено известное количество алкоголя. Они должны установить его количество и в крови. - Больше ничего?

- Они извлекли пулю, пошлют ее на экспертизу. По мнению доктора, это очень маленький калибр. По-видимому, 6,35. А что вы сами обо всем этом думаете, патрон?

Хозяйка бистро вышла на кухню и теперь помешивала в кастрюле огромной деревянной ложкой.

- Я предпочитаю другое дело... - Например, Каноника?

- Да. Такие, как он, по крайней мере не убивают.

- Вы не очень-то верите в их историю с ограблением.

- Конечно, не верю.

- Я тоже. Эксперты, как ни старались, не нашли никаких отпечатков ни на окне, ни на приставной лестнице.

- Убийца мог быть в перчатках.

- Я осмотрел верхнюю часть стены.

- Ну и что?

- Весь край утыкан осколками бутылочного стекла. В одном месте, недалеко от дома, они раздавлены. Я велел сделать снимки.

- Для чего?

- Вы знаете, что грабители этого сорта обычно тщательно подготавливаются к делу. Если они знают, что край стены утыкан осколками, то запасаются старым мешком или доской. Они и стекла выдавливают аккуратно. Здесь же стекло разбито в порошок, как будто молотком.

- Ты спрашивал соседей?

- Они ничего не слышали. Все повторяют одно и то же: поезда так адски грохочут, что нужны годы, чтобы к этому привыкнуть. Так как я заметил, что на окнах второго и третьего этажа нет ставен, я порасспросил речников, вон с той баржи, видите, ее сейчас разгружают. Хотел узнать, может, кто, из них видел свет в окнах после полуночи. Но, как я и Думал, все они спали. Эти люди рано ложатся спать и встают очень рано. Однако жена речника сообщила мне одну подробность, довольно занятную. Сегодня ночью рядом с ними стояла на причале бельгийская баржа, она ушла рано утром. Эта баржа называется "Нотр-Дам", она ушла на мукомольный завод в Корбэй. Вчера на ней праздновали день рождения хозяина. Люди с другой баржи, тоже бельгийской, которая стояла выше по течению, провели часть ночи на борту "Нотр-Дам". Среди них находился какой-то тип с аккордеоном.

- Ты узнал название другой баржи?

- Нет. По словам женщины, она тоже ушла утром. Мегрэ позвонил хозяйку и расплатился за два грога.

- Куда теперь направимся? - спросил Жанвье.

- Объедем сначала вокруг квартала. Мне бы хотелось кое-что отыскать.

Маленькая черная машина прошла всего несколько сот метров по соседним улицам.

- Стой! Это здесь.

Они увидели длинную стену, незамощенный двор, деревянные кирпичные строения с отверстиями, как в сушильнях для табака. Над воротами было написано: "Ф. Зюбер. Шкуры и кожи".

А ниже более свежей, агрессивно-желтой краской добавлено:

"Давид Гиршфельд, преемник".

Жанвье, который был не в курсе дела, не снимал ногу со сцепления.

- Дойная корова Ляшомов вот уже шесть лет, - пробурчал Мегрэ. - Потом объясню.

- Вас подождать?

- Конечно. Это займет несколько минут.

Он легко нашел здание конторы, так как это слово крупными буквами было написано на дверях самого маленького строения, скорее барака. Внутри, около печки, похожей на ту. Которая когда-то стояла в кабинете Мегрэ, сидела машинистка и энергично стучала на машинке.

- Месье Гиршфельд у себя?

- Нет. Он на бойне. Вы по какому вопросу? Мегрэ показал свой служебный значок.

- Вы служили в этой фирме при жизни месье Зюбера?

- Нет. Я начала работать у месье Гиршфельда.

- Когда месье Зюбер передал-свое дело?

- Немногом более года тому назад, когда он ложился в клинику.

- Вы его знали?

- Да. Акт продажи печатала я.

- Он был очень стар?

- Трудно было определить его возраст, он был уже давно болен и страшно исхудал. Костюм на нем буквально болтался, а лицо было таким бледным, как вон та стена.

- Вы когда-нибудь видели его дочь?

- Нет. Я о ней только слышала.

- При каких обстоятельствах?.

- Когда обсуждали условия продажи, было ясно, что месье Зюбер не обольщался на счет состояния своего здоровья. Он знал, что ему осталось жить всего несколько месяцев, самое большее - год. Врач ему об этом прямо сказал. Вот почему формально он предпочел дарственную запись, оставив себе только необходимую сумму для оплаты клиники и врачей. Это помогло избежать огромных расходов по налогу на наследство.

- Вы можете назвать цифру?

- Вы спрашиваете о сумме, которую заплатил ему месье Гиршфельд?

Мегрэ кивнул в знак согласия.

- Об этом так много говорили в деловых кругах, что я не буду нескромной, если скажу вам... триста... - Триста чего?

- Миллионов, конечно!

Мегрэ невольно оглянулся на эту убогую контору, грязный двор, полуразвалившиеся постройки, от которых исходил тошнотворный запах.

- Месье Гиршфельд уплатил всю сумму наличными?

Она снисходительно улыбнулась.

- Никто никогда не выплачивает подобную сумму наличными. Он выплатил только часть - не могу точно сказать сколько, - но вы можете спросить у него сами. Остальная сумма распределена на десять лет... - Все предназначено дочери Зюбера?

- Да. Мадам Арман Ляшом. Если вы хотите поговорить с месье Гиршфельдом, он обычно возвращается с бойни к половине двенадцатого, кроме тех дней, когда он завтракает в Виетт.

Жанвье с любопытством посмотрел на подавленного и задумчивого Мегрэ, когда тот остановился около машины на краю тротуара и, низко опустив голову, начал набивать трубку.

- Чувствуешь, какой запах?

- Просто воняет, патрон.

- Видишь этот двор и бараки?

Жанвье молча ожидал продолжения.

- Так вот, малыш, все это стоит триста миллионов! И знаешь, кто их унаследовал? Он сел в машину и захлопнул дверцу.

- Полет Ляпгом! А теперь прямо в управление! Он молчал всю дорогу и так же молча вошел в свой кабинет в сопровождении неизменного Жанвье.

Глава 4

Вешая мокрое пальто и шляпу в стенной шкаф, Мегрэ взглянул мельком в зеркало над умывальником и чуть не показал себе язык, настолько отвратительной показалась ему отразившаяся там физиономия. Комиссару казалось, что он вернулся с набережной де-ля-Гар с физиономией, которая весьма напоминала лица людей, живших в этом умопомрачительном доме.

После стольких лет работы в уголовной полиции перестаешь верить в деда-мороза, в мир, созданный нравоучительными книжками и лубочными картинками, где все люди делятся на бедняков и богачей, честных праведников и мошенников, мир, в котором образцовые семейства безмятежно счастливы, как на фотографиях, где все группируются вокруг улыбающегося патриарха.

И все же он редко бывал так удивлен, как сегодня утром в доме Ляшомов. Ему действительно показалось, что он теряет почву под ногами. До сих пор он ощущал какой-то горьковатый привкус во рту и острую потребность скорее расположиться в своем кабинете, тяжело опуститься в кресло,

взять в руки трубку, коснуться привычных вещей, убедиться, что его окружает реальный, буднич­ный мир.

Был один из тех сумрачных дней, когда лампы горят с утра, а струйки дождя зигзагами сбегают вдоль оконных стекол. Жанвье, вошедший вслед за ним в кабинет, терпеливо ждал дальнейших приказаний.

- Мне показалось, что в коридоре ждет Луро? Луро был репортером и око­лачивался в уголовной полиции еще в те времена, когда Мегрэ был простым инспектором.

- Можешь дать ему материал.

Обычно в начале следствия Мегрэ избегал привлекать внимание прессы, ибо, охваченные рвением как можно скорее все разузнать, репортеры, случалось, запутывали следы и спугивали дичь.

Направляя в этот раз журналистов на набережную де-ля-Гар, Мегрэ отнюдь не пытался мстить Ляшомам или новому следователю. Он действительно чувствовал себя обезоруженным атмосферой этого герметически зап­ертого дома, где царило странное молчание, а его заставляли проявлять чрезмерную корректность. Вот почему он на этот раз не возражал против вмешательства репортеров. Они ведь не обязаны соблюдать такую осторожность, как он. У них не будет торчать за спиной молодой чиновник или метр Радель, готовый метать гром и молнии из-за самого ничтожного нарушения правил.

- Только не рассказывай ему никаких подробностей. Он их сам разыщет. А потом зайди снова ко мне.

Когда Жанвье ушел, он снял трубку и вызвал комиссара района Иври.

- Алло! Говорит Мегрэ... Сегодня утром вы весьма любезно предложили мне помощь своих инспекторов. Я решил ею воспользоваться. Прошу выяснить, что происходило сегодня ночью вблизи дома Ляшомов. Вы понимаете? В частности, меня интересует время между двенадцатью и тремя часами ночи.

Он мог вызвать Люка по телефону, но, как обычно, когда ему был нужен один из его инспекторов, он предпочел покинуть свое удобное кресло и распахнуть дверь в их комнату. Он поступал так отнюдь не для того, чтобы следить за ними, а просто хотел выяснить их настроение и атмосферу "дома".

- Зайди на минутку. Люка!

Их было по крайней мере шестеро в огромной, комнате инспекторов, пожалуй, слишком много для такого рабочего дня, как понедельник.

- Что с Каноником? - спросил Мегрэ, снова усаживаясь за письменный стол.

- Я закончил все формальности по аресту.

- Как прошло?

- Прекрасно. Мы с ним немножко поболтали. Вы знаете, что я выяснил, патрон? В глубине души он доволен, что его выдали, пусть даже это сделала, его собственная жена. Он, конечно, в этом не сознался, но я понял, что он был бы больше огорчен, если бы мы его вы­следили или схватили из-за его собственной оплошности.

- Такой рассказ просто освежал после посещения семейства Ляшомов! Впрочем, Мегрэ ничуть не удивился. Он уже не раз замечал у таких людей, как Каноник, своеобразную профессиональную гордость.

- Конечно, нельзя сказать, что он восхищен тем, что его посадят в тюрьму, а выдавшая его ж"на будет пока блаженствовать с другим. Но ой-не возмущается, не угрожает, не собирается ей мстить после выхода из кутузки.

Мегрэ дал Люка поручение:

- Позвонишь в Корбзя. Попросишь дежурного поехать на мукомолку посмотреть, не приблуда ли баржа "Нотр-Дам". Если ее там еще нет, значит она на последнем шлюзе. Сегодня ночью эта баржа стояла на якоре в порту Иври, прямо против дома Ляшомов. На борту был небольшой семейный праздник, который затянулся допоздна. Возможно, они заметили свет в окнах или входящих в дом людей. На празднике были и другие речники. Я хотел бы знать их имена, названия их барж, место, где их можно найти. Ты все понял?

- Да, патрон.

- Пока все, старина.

Вернулся Жанвье.

- А мне что делать?

Наступил самый неприятный момент следствия, когда еще не знаешь сам, в каком направлении вести поиски.

- Позвони доктору Полю, он, наверное, уже закончил вскрытие. Возможно, он даст тебе дополнительные сведения до отправки акта, а потом зайди в лабораторию, узнай, может быть, они что-нибудь нашли.

Мегрэ остался наедине со своими трубками и, выбрав одну, самую старую, медленно набивая ее, смотрел на струйки дождя, бегущие по оконному стеклу.

- Триста миллионов! - бормотал он, мысленно представляя запущенный дом на набережной де-ля-Гар: железную печку в гостиной, старинную, некогда прекрасную мебель, обитую разномастной тканью, холодный, как лед, радиатор парового отопления, огромный зал на первом этаже, библиотеку, бильярдную, пустота которых казалась населенной призраками.

Он восстанавливал в памяти слегка, асимметричное лицо Армана Ляшома, который, по всей очевидности, был слабым человеком, возможно трусом, и прожил всю жизнь в тени старшего брата.

- Кто из вас сейчас свободен? - спросил Мегрэ, стоя на пороге комнаты инспекторов.

Торранс вскочил первый, как школьник, вызванный к доске.

- Зайдите ко мне, Торранс, садитесь. Вы отправитесь в Иври, на набережную де-ля-Гар. Мне бы хотелось, чтобы вы не заходили ни в дом, ни в контору, ни на фабрику. Я думаю, что в полдень, рабочие, хотя бы часть из них, выходят на обед. Вытяните из них все, что можно. Прежде всего постарайтесь получить ответы на следующие вопросы.

Первое: есть ли у Ляшомов машина и какой марки?

Второе: кто ее обычно водит и ездили ли на ней вчера вечером?

Третье: часто ли Полет Ляшом обедает в городе? Известно ли, с кем? Есть ли какие-нибудь предположения о том, что она делает после этих обедов?

Четвертое: в каких отношениях находится она со своим мужем? На всякий случай сообщаю, что у них отдельные спальни.

Пятое: каковы были ее отношения с шурином?

Вы все записали? И наконец, я не прочь узнать, кто была жена Леонара Ляшома. Она умерла лет восемь тому назад. Ее девичья фамилия. Ее родители. Была ли она богатой? Отчего она скончалась?.. И еще... Хорошо бы раздобыть теперешний адрес Вероники Ляшом, упорхнувшей из родного гнезда несколько лет назад.

Толстяк Торранс невозмутимо слушал и записывал в блокнот.

- Кажется, все. Ясно, что задание срочное.

- Я иду, патрон.

Не забыл ли он чего-нибудь? Если бы не присутствие следователя и адвоката, он задержался бы на набережной де-ля-Гар и сам бы задал некоторые вопросы. Ему хотелось также, хотя бы из простого любопытства, побывать в комнате Армана Ляшома и в особенности в спальне его жены.

Жила ли эта наследница трехсот миллионов в такой же обветшалой обстановке, как и вся семья?

Было уже около полудня, когда он вспомнил, что обещал позвонить следователю Анжелю. Он набрал номер:

- Говорит Мегрэ. Докладываю по вашей просьбе. Ничего существенного, кроме того, что Полет Ляшом оказалась дочерью торговца кожей по имени Зюбер, который оставил ей наследство минимум в триста миллионов.

На том конце провода долго молчали, затем раздался спокойный голос молодого чиновника:

- Вы в этом уверены?

- Да, почти. Я скоро получу подтверждение. - И давно она располагает этой суммой?

- Около года, если мои сведения точны. Когда Зюбер узнал, что врачи не имеют надежды на его выздоровление, он написал дарственную на имя дочери, чтобы как можно меньше платить налогов на наследство.

- Свадебный контракт Полет Ляшом предусматривает раздельное владение имуществом, не так ли?

- Да, так нам с вами утром сказали. Я еще не проверял.

- Благодарю вас. Продолжайте меня держать в курсе дела. У вас больше нет никаких сведений?

- Мои люди занимаются сейчас этой работой.

Мегрэ положил трубку и сразу же снова снял ее.

- Пожалуйста, соедините меня с адвокатом Раделем. На это он получил ответ, что метра нет дома и что его уже давно ждут к завтраку.

- Позвоните к Ляшомам, набережная де-ля-Гар. Возможно, он еще там.

Он действительно был еще там, что заставило Мегрэ призадуматься.

- Мне надо выяснить еще две-три детали, месье Радель. Поскольку мне известно, что вы не любите, когда слишком часто беспокоят ваших клиентов, я предпочел обратиться к вам лично. В-первых, как фамилия нотариуса семьи Ляшомов?

- Минуточку... Последовало довольно долгое молчание, во время которого адвокат, по-видимому, тщательно прикрывал рукой телефонную трубку.

- Алло! Комиссар Мегрэ? Вы слушаете? Мне не совсем ясно, для чего вам это нужно, но мои клиенты не возражают, чтобы Я сообщил вам, что фамилия нотариуса - Барбарен, набережная Вольтера.

- Я полагаю, если Леонар Ляшом оставил завещание, то оно хранится у нотариуса Барбарена?

- Думаю, что так, хотя сомневаюсь в существовании завещания, поскольку в семье о нем ничего не известно.

- Сын Леонара Ляшома... Если не ошибаюсь, его, зовут Жан-Поль? Он уже вернулся из школы?

- Простите, минуточку.

Снова молчание. На этот раз адвокат неплотно закрыл телефонную трубку, и до Мегрэ донесся шум голосов.

- Он не вернется. Его дядя позвонил и договорился, чтобы он остался в колледже.

- В интернате?

- Да, до нового распоряжения его дяди. Сейчас ему отнесут вещи. У вас больше нет вопросов?

- Не спросите ли вы у мадам Ляшом; у молодой, конечно, фамилию ее личного нотариуса, того самого, который занимался делом о наследстве ее отца и, вероятно, ее свадебным контрактуем?

На этот раз молчание длилось так долго, что Мегрэ подумал, не повесили ли они трубку. Единственный раз Мегрэ расслышал голос адвоката, который сказал очень громко: "Поскольку я вас уверяю, что..."

И снова молчание. Ляшомы противятся? А Радель убеждает их, что полиция все равно добьется своего и узнает то, что она хочет знать? Интересно, кто спорит с адвокатом? Арман Ляшом? Его жена? Присутствуют ли при этом споре старики, застывшие, как фамильные портреты?

- Алло!.. Прошу прощения, господин комиссар... Нам здесь помешали, и я не смог сразу заняться вашим вопросом... Все дела Зюбера - как наследственные, так и ликвидация имущества - оформлялись его личным нотариусом метром Леоном Вюрмстером, улица Риволи... Вы расслышали фамилию?... Вюрмстер... Леон... Я уточняю, так как имеется еще один Вюрмстер - Жорж, нотариус в Пасси. Что же касается брачного контракта, то им занимался адвокат Барбарен... - Благодарю вас.

- Алло!.. Не вешайте трубку... Я готов дать вам любые сведения, которые вы сочтете необходимыми... Вопреки вашему мнению мои клиенты не имеют намерения скрывать что бы то ни было от полиции... Что бы вы еще желали знать?

- Во-первых, о брачном контракте... - Раздельное владение имуществом.

- И это все?

- Состояние мадам Ляшом наследуют ее будущие дети.

- А в случае отсутствия детей?

- Ее супруг... - Если я не ошибаюсь, вопрос идет о сумме, превышающей триста миллионов?

- Минуточку.

Молчание было довольно коротким.

- Здесь есть некоторое преувеличение, но цифра приблизительно точна.

- Благодарю вас.

- Мне казалось, что вы хотели выяснить еще некоторые пункты?

- Да, но не сейчас.

Он позвонил нотариусу Барбарену, и ему пришлось долго ждать, так как телефон был занят.

- Говорит комиссар Мегрэ. Я полагаю, что вам уже известно о смерти одного из ваших клиентов, Леонара Ляшом, убитого сегодня ночью?

Захваченный врасплох, нотариус ответил:

- Я только что об этом узнал.

- По телефону?

- Да.

- Я не требую от вас нарушения профессиональной тайны, но мне необходимо знать, оставил ли Леонар Ляшом завещание?

- Нет, насколько мне известно.

- Значит, он не составлял в вашем присутствии подобного документа и не вручал его вам для хранения в вашей нотариальной конторе?

- Нет, он, конечно, этого не сделал.

- Почему?

- Потому что он не имел никакого состояния, если не считать его доли акций кондитерской фабрики Ляшом, а эти акции не имеют никакой ценности.

- Не вешайте трубку, метр Барбарен. Я еще не закончил. Леонар Ляшом был вдовцом. Можете ли вы назвать мне девичью фамилию его жены?

- Марсель Дона Для этого Барбарену не понадобилось рыться в документах.

- Что представляла собой ее семья?

- Вы когда-нибудь слышали о фирме Дона и Мутье? Мегрэ часто видел эти два имени на щитах и заборах строительных площадок. Это были крупные подрядчики, производившие общественные работы.

- У нее было приданое?

- Само собой разумеется.

- Вы можете мне назвать сумму?

- Нет. Только по требованию следователя.

- Я не настаиваю. Но, принимая во внимание богатство ее семьи, я полагаю, что эта сумма была весьма значительной? Молчание.

- Брачный контракт был составлен с отдельным владением имущества?

- На этот вопрос я не отвечу по той же причине.

- Вы также не можете сообщить мне причину смерти мадам Марсель Ляшом?

- На этот вопрос вам более точно, чем я, могут ответить члены семьи Ляшомов.

- Благодарю вас, метр Барбарен.

Пока вырисовывались только смутные очертания будущей картины. Фигуры героев оставались еще расплывчатыми, неопределенными, хотя кое-где уже более четко выступали отдельные детали.

На протяжении нескольких лет братья Ляшомы - сначала Леонар, а потом Арман - женились на богатых наследниках.

Обе принесли в дом крупные состояния, от которых, по-видимому, ничего уже не осталось.

Не благодаря ли этим последовательным денежным вкладам продолжала существовать некогда преуспевающая кондитерская фабрика, основанная в 1817 году? Конечно, фирме угрожало полное разорение. Мегрэ сомневался, что даже в самых глухих деревушках можно было сегодня, купить, как в его детские годы, пачку вафель с картонным привкусом.

Старики Ляшомы, сидящие в гостиной около чугунной печки, казалось, уже не существовали сами по себе, но, подобно старому бильярду и хрустальной люстре, были лишь памятниками прошлого.

И наконец, не был ли болезненный Арман Ляшом только тенью своего брата, его слабым двойником?

Однако произошло чудо, и оно продолжалось долгие годы. Несмотря на всю свою обветшалость, дом все еще существовал, и дым продолжал виться над высокой фабричной трубой.

Кондитерская фабрика не соответствовала современным экономическим требованиям и нормам. Если она преуспевала и даже была хорошо известна в эпоху мелкого предпринимательства, то теперь положение на рынке, за который боролись две или три крупнейшие кондитерские фирмы, было совсем иным.

По логике вещей кондитерская фабрика на набережной де-ля-Гар должна была прогореть давным-давно.

Чья воля вопреки всему поддерживала ее жизнь?

Трудно было себе представить, что этим человеком был Феликс Ляшом, молчаливый и почтенный старик, который, казалось, уже не отдавал себе отчета в том, что происходило вокруг него.

С каких пор его низвели до степени чисто декоративной фигуры?

Оставался Леонар. Тот факт, что умер именно. Леонар, частично объяснял растерянность семьи, ее сдержанность или, вернее, молчание, ее отчаянный призыв к адвокату.

Не означало ли это, что до последней ночи именно Леонар думал, желал и действовал за всех остальных? И даже за Полет Ляшом?

Последний вопрос особенно смущал Мегрэ, и он пытался восстановить в памяти образ молодой женщины, такой, какой он ее увидел ранним утром, - непричесанной, в накинутом наспех простом голубом халате.

Если он и был сегодня чем-то удивлен, то именно встречей в таком доме, в такой семье с молодой и красивой женщиной, пышущей здоровьем и жизнью.

Решительно ему хотелось бы посмотреть ее комнату и узнать, отличалась ли она от всего дома.

Он спрашивал себя, как могла Полет войти в эту семью, как могла она выйти замуж за щедедушного и хилого Армана?

Были у него и другие вопросы, столько вопросов по существу, что он предпочел Отложить их на некоторое время.

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

- Мегрэ слушает.

Звонил Люка.

- Я соединился с полицейским отделением Корбэй. Они уже допросили речников. Соединить вас с ними?

Мегрэ согласился и услышал знакомый голос инспектора, из уголовного розыска Корбэй.

- Я обнаружил баржу "Нотр-Дам" в шлюзе, господин комиссар. Хозяин и его сын опухли от пьянства и почти ничего не помнят. Говорят, что всю ночь пили и ели, играли на аккордеоне, распевали песни и не обращали внимания на то, что происходило на набережной. Они действительно видели свет в нескольких окнах большого дома, но не могут сказать, был ли освещен дом напротив баржи или соседний. Фамилия их собутыльников - Ван Ковеляр, а их баржа называется "Twee Gebroeders", что означает "Два брата". Они фламандцы. По-видимому, сейчас они разгружаются где-то на канале Сен-Мартэн. Я сомневаюсь, что они вам могут рассказать что-либо, потому что по-крайней мере один из братьев был так пьян, что его пришлось выносить на руках.

- В котором часу?

- Около четырех часов утра.

Мегрэ снова открыл дверь в соседний кабинет, в котором осталось всего три инспектора.

- Ты сейчас очень занят, Бонфис?

- Я заканчиваю отчет, но это не спешно.

- Поезжай на канал Сен-Мартэн и найди там бельгийскую баржу под названием "Twee Gebroeders".

Он дал задание, вернулся в свой кабинет и уже совсем решил пойти перекусить, когда снова раздался телефонный звонок.

- Говорит Торранс, патрон. Я не так много Собрал сведений, но счел необходимым сообщить вам то, что узнал. У Ляшомов, кроме двух старых грузовичков для доставки товаров и одного негодного фургона, которым давно нельзя пользоваться, есть легковая машина. Это голубой "понтрак", зарегистрированный на имя Полет Ляшом. Ее муж не водит машину.

- А Леонар водил машину?

- Да. Он пользовался машиной, так же как и его невестка.

- А вчера вечером?

- Полет не выезжала на машине, хотя около шести часов вечера, когда она вышла из дома, машина стояла у подъезда.

- Ты не знаешь, взяла ли она такси?

- Я в этом не уверен. Возможно. Судя по рассказам, она не из тех женщин, которые пользуются метро, или автобусом.

- А Леонар тоже выходил?

- Инспектора Иври этим сейчас занимаются и расспрашивают соседей. Согласно показаниям постовых полицейских в восемь часов вечера у подъезда не было голубой машины. Одному из них кажется, что он заметил эту машину около девяти вечера, когда она возвращалась, но его пост был довольно далеко от дома и он не мог разглядеть, въехала ли она во двор.

- Кто сидел за рулем?

- Он не обратил внимания. Он помнит только, что голубая машина марки "понттиак" шла из центра и направлялась в сторону набережной.

- У тебя все?

- Я узнал адрес сестры. Не так легко было его разузнать, так как за последние годы она меняла его раз пять или шесть.

- Она навещала своих родных?

- По-видимому, нет.. Сейчас она проживает на улице Франсуа, в доме 17-6.

- Замужем?

- Не думаю. Может быть, мне сходить на улицу Франсуа? Мегрэ заколебался, подумал о завтраке, о жене, которая ждет его на бульваре Ришар-Ленуар, и пожал плечами. - Нет. Я сам этим займусь. Продолжай свой раскопки в окрестностях и звони мне время от времени. Любопытно было познакомиться с третьей представительницей семейства Ляшом, которая, как он предвидел, должна сильно отличаться от остальных, так как она единственная сбежала из этого дома.

Он надел еще мокрое пальто и заколебался, брать ли ему казенную машину. Так же как Арман Ляшом, он не умел водить автомобиль, значит, ему пришлось бы брать кого-нибудь с собой. А разговаривать ему сейчас не хотелось.

Выйдя на улицу, он направился к площади Дофина, заранее зная, что в последнюю минуту, он завернет в пивную, чтобы выпить стакан вина. У стойки он встретил, несколько инспекторов из других отделов, из его отдела не было ни одного - все были разосланы в разные стороны.

- Что будете пить, месье Мегрэ?

- Грог.

Раз он утром начал с грога, лучше продолжать его пить, даже если час не совсем подходящий. Ребятам из уголовной полиции не нужно было долго наблюдать, чтобы понять, что сейчас не время обращаться к нему с вопросами. Некоторые даже вдруг заговорили шепотом.

Бессознательно он пытался разместить жителей дома в Иври по своим местам, представить их повседневную жизнь, а это было совсем не так просто.

Например, можно было предположить, что вся семья собиралась вместе в часы завтрака, обеда и ужина. Как же вела, себя Полет в присутствии дряхлых стариков? Каково было ее положение между замкнутым и незаметным мужем и его старшим братом, который, казалось, был душой дома?

А по вечерам?.. Где находился каждый из них? Чем они занимались?.. Он не заметил в доме ни радио, ни телевизора.,.

Для поддержания порядка в этом огромном доме - правда, часть его была полностью заброшена - Ляшомы имели только одну восьмидесятилетнюю служанку.

Не надо забывать и этого мальчугана Жан-Поля, которого так внезапно поместили в пансион, но который до сегодняшнего дня каждый полдень возвращался домой из школы.

Как мог реагировать на такую атмосферу двенадцатилетний мальчишка?

- Такси!

Он велел везти себя на улицу Франсуа и, забившись в угол машины, пытался вообразить себе дом Ляшомов в разные часы суток.

Если бы не настойчивость этого нового следователя, он, конечно, знал бы теперь гораздо больше. В частности, он точно знал, что, если бы мог наедине допросить Армана Ляшом, он заставил бы его заговорить.

- Приехали, шеф!

Он расплатился и оглядел семиэтажный дом, перед которым его высадил таксист. Нижний этаж был занят магазином мод, и несколько медных дощечек напоминали об известных фирмах. Он вошел в подъезд, толкнул застекленную дверь и очутился в швейцарской, очень чистой и почти роскошной. Кошки не было. Не пахло жареным луком, а консьержка оказалась-молодой и милостивой.

Он показал свой служебный значок, пробормотав:

- Комиссар Мегрэ.

Она тотчас же предложила ему сесть, указав на стул, покрытый Красным бархатом.

- Мой муж вас несколько раз возил и много мне рассказывал. Он шофер такси. Работает в ночную... Она указала на занавеску, которая отделяла швейцарскую от спальни. - Он там спит... - У вас есть жиличка, которую зовут мадемуазель Ляшом?

Почему она улыбнулась так таинственно и насмешливо?

- Да. Вероника Ляшом. Значит, это она вас интересуется?

- Она давно живет в этом доме?

- Погодите... Это лег ко установить, она возобновила контракт в прошлом месяце... Значит, немногим больше трех лет... - На каком этаже?

- На шестом, одна из двух квартир с большими балконами.

- Она сейчас у себя?

Консьержка покачала головой и снова вздохнула.

- Она работает?

- Да. Только в другие часы. Вы знаете "Амазонку" На улице Марбеф, в двух шагах отсюда?

Если Мегрэ и слышал, что существует кабаре под таким названием, сам он туда никогда не заходил. Он только вспомнил стеклянные двери между двумя магазинами, неоновую вывеску и фотографии полураздетых женщин.

- Кабаре принадлежит ей? - спросил он.

- Нет. Она там одновременно и барменша и конферансье.

- Понятно. Значит, мадемуазель Ляшом никогда не возвращается домой раньше четырех часов утра?

- В пять часов, в половине шестого... Раньше это было систематически... А вот уже несколько месяцев случается, что она совсем не возвращается... - У нее роман?

- Да. Серьезный.

- Вы знаете этого человека?

- Я могу вам его описать: мужчина лет сорока, элегантный. У него машина - открытый "панхард".

- Случается, что он ночует у нее?

- Он ночевал у нее всего два или три раза. Обычно она уходит к нему.

- Вы знаете, где он живет?

- У меня все основания считать, что недалеко отсюда. Мадемуазель Вероника всегда пользуется такси. Она не любит ни метро, ни автобусов. А по утрам, когда она не ночует дома, возвращается пешком, из чего я заключаю, что она была где-то рядом.

- Вы не помните номера его "панхарда"?

- Он начинается с двух семерок... Готова поклясться, что кончается тройкой, но все-таки я не совсем уверена... Зачем вам это нужно? Это срочно?

Все срочно в начале следствия, потому что никогда не знаешь, какие неожиданности тебя ожидают и куда они приведут.

- У нее есть телефон?

- Само собой разумеется.

- Какая у нее квартира?

- Три прекрасные комнаты и ванная. Она обставила квартиру с большим вкусом. У меня все основания считать, что она хорошо зарабатывает.

- Она симпатичная женщина?

- Вы хотите узнать, хорошенькая ли она? Глаза консьержки снова лукаво заблестели.

- Ей тридцать четыре года, и она это не скрывает. Короткая стрижка, на работу всегда ходит в английских костюмах. У нее не правильные черты лица, и все-таки на нее приятно смотреть, возможно потому, что она всегда в хорошем настроении и вид у нее такой, словно ей на все наплевать.

Мегрэ начинал понимать, почему младшая дочь Ляшомов поспешила покинуть семейный очаг.

- До этого серьезного романа, о котором вы мне рассказали, были у нее другие связи?

- Довольно много, но всегда кратковременные. Бывало, она возвращалась не одна, около пяти часов утра, как я вам уже говорила. Обычно около трех часов дня можно было увидеть выходящего от нее мужчину, который крался вдоль стен, стараясь, чтоб его не рассмотрели.

- Иначе говоря, с тех пор, как она живет здесь, это ее первая серьезная связь.

- Я тоже так думаю.

- Как вам кажется, она влюблена?

- Она веселее, чем обычно. Делайте сами выводы.

- Вы не знаете, в котором часу Мне лучше застать ее дома?

- Совершенно неизвестно. Она может вернуться к концу дня и точно так же может отправиться прямо в кабаре, не заходя домой. Так уже бывало два-три. Может быть, все-таки будет лучше, если я разбужу мужа? Когда он узнает, что вы заходили и он вас проворонил... Мегрэ вынул часы из кармана.

- Я очень спешу, но мне еще придется вернуться сюда. Несколько минут спустя он уже стоял у входа в кабаре "Амазонка" перед заманчивой рекламой. Решетка, заменяющая входную дверь, была закрыта, и нигде не видно было звонка.

Пробежавший мимо рассыльный обернулся, иронически улыбнувшись, при виде этого зрелого господина, который, казалось, был погружен в созерцание соблазнительных фотографий, и Мегрэ, заметив его взгляд, отошел, бормоча себе что-то под нос.

Глава 5

Когда Мегрэ бывал поглощен новым расследованием, он редко обедал дома - не потому, что экономил время, а просто ему было необходимо остаться одному, и жена его давно уже об этом знала. Засунув руки в карман плаща, с мокрым от дождя лицом он шел по улице, все еще погруженный в гнетущую атмосферу дома на набережной де-ля-Гар.

Самоуглубленность Мегрэ во время расследования, его дурное настроение, ставшее уже легендарным, его хмурый вид, сутулая спина и многое другое как бы стало частью той профессиональной техники, которую он бессознательно выработал за долгие годы.

Например, он не случайно зашел в эту эльзасскую пивную и уселся за столик около окна. Ему было просто необходимо почувствовать твердую почву под ногами, опереться на нее, ощутить тяжесть собственного тела, его весомость.

Ему нравилось, что на официантке был национальный костюм, что она была статной, здоровой, смеющейся, с ямочками на щеках, с завитками белокурых волос и явно свободна от каких бы то ни было психологических комплексов. По той же причине ему показалось вполне естественным заказать на завтрак жирную и сочную тушеную капусту, которая подавалась здесь большими порциями вместе с точно покрытыми лаком сосисками и кусочками копченой грудинки нежно-розового цвета.

Заказав завтрак, включая пиво - оно сюда само просилось, - он позвонил жене, любопытство которой выразилось только в трех весьма кратких Вопросах.

- Убийство?

- Нечто в этом роде.

- Где?

- Иври.

- Сложное?

- Возможно.

Она даже не спросила, придет ли он к обеду, зная заранее, что теперь она может не увидеть его два или три дня.

Мегрэ машинально съел завтрак, выпил две полные кружки пива и принялся за кофе, глядя на косой дождь, который все шел и шел. Прохожие, идущие навстречу дождю, низко наклонялись, держа зонтики, как щиты.

Он заметил, что шея у него больше не болит. Утреннее ощущение неловкости совершенно прошло.

В два часа дня Мегрэ вернулся в свой кабинет, где его ожидало несколько телефонограмм.

Он не спеша уселся за письменный стол, набил свежую трубку и вдруг вспомнил о маленькой чугунной печке, которая так долго стояла в его кабинете даже после установки центрального отопления на набережной Орфевр и которую администрация в конце концов все-таки у него забрала.

В течение долгих лет друзья часто подсмеивались над его манией по двадцать раз в день открывать печку и помешивать угли, а он любил смотреть на пламя точно так же, как любил слушать шум ветра и дождя за окном.

Первая телефонограмма, которую он взял в руки, была передана одним из инспекторов районного отделения Иври.

Некая Мелани Кашэ, домашняя хозяйка, проживающая в доме рядом с Ляшомами, накануне вечером ездила в гости к сестре на улицу Сент-Антуана. Пообедав у нее, она вернулась домой на метро около девяти часов вечера.

Подходя к дому, она заметила голубой "понтрак", стоящий перед особняком Ляшомов. Как раз в это время Леонар Ляшом открывал обе створки ворот, и, пока она искала ключ в сумке, он сел за руль и въехал во двор.

Она с ним не заговорила, потому что, несмотря на то, что уже пятнадцать лет жила рядом с ними, не поддерживала никаких связей с Ляшомами и знала их только в лицо.

Инспектор продолжал ее расспрашивать, но Мелани Кашэ была твердо уверена, что она видела именно старшего брата, Леонара, и добавила то, что уже было известно Мегрэ.

- Ведь его брат никогда не водит машину. Уезжал ли Леонар Ляшом еще раз после этого? Во всяком случае, не сразу после ее возвращения. Она живет на втором этаже. Окна ее квартиры выходят на набережную. Войдя в квартиру, она сразу подошла к открытому настежь окну - она воспользовалась своим уходом, чтобы проветрить квартиру, - и услышала стук закрывающихся тяжелых ворот, знакомый скрип засова. Она машинально выглянула в окно и увидела, что на тротуаре уже никого нет.

Вторая телефонограмма была от инспектора Бонфиса, которого Мегрэ послал на канал Сен-Мартэн. Он нашел баржу "Twee Gebroeders", когда с нее разгружали кирпичи. Бонфису пришлось походить по разным бистро, прежде чем ему удалось встретить одного из братьев, Жефа Ван-Ковеляра, который явно стремился продолжить празднование вчерашнего дня рождения.

Жеф рассказал, что накануне вечером и ночью он несколько раз выходил на палубу. На аккордеоне играл не он, а его брат. Один раз, выйдя на палубу, он услышал какой-то шум со стороны набережной.

- Не правда ли, это было похоже на звук раздавленного стекла?

- Да. Он доносился от стены кондитерской фабрики. На тротуаре никого не было, и вдоль стены тоже не было видно ни одного человека.

Да. Жеф был твердо уверен, что видел только чью-то голову над стеной, голову человека, который, несомненно, взобрался на лестницу во дворе.

На каком расстоянии от дома? Около десяти метров. Это точно, так как к этому времени Жеф Ван-Ковеляр выпил только пять-шесть стаканов можжевелевой наливки.

Мегрэ взял со стола план, составленный оперативным отделом. Крестом было отмечено то место стены, на котором было раздавлено бутылочное стекло, на расстоянии десяти-двенадцати метров от дома. А в трех метрах от этого места находился фонарь, что делало показания матроса вполне достоверными.

Бонфис особенно настойчиво расспрашивал Жефа относительно времени, желая выяснить, в котором часу он был свидетелем этого происшествия.

- Это легко узнать, потому что я выходил еще до того, как подали пирог.

Бонфису пришлось сходить на баржу, чтобы расспросить жену Жефа. Пирог был подан на стол около половины одиннадцатого.

Мегрэ механически регистрировал эти сведения, не пытаясь пока систематизировать полученную информацию и делать из нее выводы.

Он просмотрел третью телефонограмму, также из Иври, переданную несколькими минутами позже первой. За всеми этими клочками бумаги, на которых было набросано несколько беглых строк, скрывались долгие часы поисков, хождений под дождем и внушительное количество людей, которым пришлось задавать вопросы, на их взгляд, весьма нелепые.

Все так же накануне вечером, только несколько раньше, в шесть часов, некая мадам Годуа - хозяйка соседней бакалейной лавчонки, расположенной прямо против моста Насиональ, - заметила красную спортивную машину, стоявшую в нескольких метрах от ее лавки. Она заметила, что "дворники" на ветровом стекле были включены и что за рулем сидел мужчина. Он читал газету, и поэтому верхняя лампа была включена. У него был вид человека, который кого-то ждет.

Сколько времени стояла машина? Подсчитав, сколько клиенток она успела обслужить за это время, мадам Годуа определила, что около двадцати минут.

Нет. Этот мужчина был не слишком молод, лет за сорок. На нем был желтоватый непромокаемый плащ. Она его хорошо разглядела, потому что, устав ждать, он вышел из машины и прогуливался по тротуару. Он даже постоял перед ее лавкой, разглядывая витрину.

На нем была коричневая шляпа. Она разглядела даже его небольшие усики.

Это не был один из Ляшомов, ни месье Леонар, ни месье Арман. Она их обоих хорошо знала в лицо. А их старая служанка Катрин иногда заходила к ней в лавку за покупками и до сих пор должна ей. Эти люди были должны всем окрестным торговцам, в каждом магазине лежали их неоплаченные счета.

Потом бакалеищица услышала стук высоких женских каблучков. Лампа перед витриной освещала часть тротуара, и она абсолютно уверена, что узнала Полет Ляшом, подошедшую к мужчине, и даже может сказать, что на ней было меховое пальто и бежевая шляпка.

Мужчина распахнул перед ней дверцу. Полет Ляшом наклонилась, садясь в машину, которая была очень низкой.

- А вы не запомнили марку машины?

Она не различает никаких марок. У нее никогда не было машины. Она бедная, одинокая вдова и... Инспектор проявил профессиональное рвение и принес ей проспекты различных автомобильных фирм.

- Она походила на эту! - сказала лавочница, указывая пальцем на изображение "панхарда".

Больше сообщений не было, если не считать дневной газеты, в которой Люка обвел синим карандашом несколько строк:

"Ограбление с убийством. Прошлой ночью взломщик проник в особняк на набережной де-ля-Гар в Иври, принадлежащий семейству Ляшомов, и, застигнутый на месте преступления старшим сыном Леонаром Ляшомом, выстрелил в последнего.

Только сегодня утром родственники обнаружили тело убитого и..."

Прочие подробности будут опубликованы позже. Вокруг дома в Иври сейчас уже бродит добрый десяток журналистов.

А Мегрэ невозмутимо сидит за письменным столом, курит трубку, и облако голубоватого табачного дыма поднимается над его головой, пока он систематизирует полученные сведения.

Итак, в шесть часов вечера Полет Ляшом вышла из дома в меховом пальто и бежевой шляпке. Она не воспользовалась своей машиной, а быстро пошла по направлению к мосту Насиональ - метров двести от дома, - где ее ждал какой-то мужчина в красной спортивной машине, - по-видимому, марки "панхард".

Почти в то же самое время ее собственная машина, голубой "понтрак", стояла у подъезда особняка Ляшомов.

Не было никаких точных сведений о том, когда и кто воспользовался этой машиной.

Стало только известно, что около семи часов вечера ее там уже не было и что около девяти часов Леонар Ляшом приехал на ней и поставил ее в гараж в глубине двора.

А в котором часу обедали Ляшомы? Должно быть, обычно они обедали вшестером, потому что маленький Жан-Поль тогда еще не был в интернате.

Значит, в этот вечер Полет отсутствовала. Почти с уверенностью можно сказать, что Леонара тоже не было дома.

Следовательно, в столовой сидели только старики, Арман и мальчуган.

Приблизительно в десять часов хозяин баржи "Twee Gebroeders" услышал звук раздавленного стекла и в то же время увидел над стеной чью-то голову.

В половине двенадцатого ночи Полет вернулась - неизвестно, каким транспортом. Взяла ли она такси? Или ее привезла домой та же красная машина?

Когда она проходила к себе по коридору второго этажа, ее шурин в пижаме и халате приоткрыл дверь своей комнаты и пожелал ей доброй ночи.

Спал ли уже Арман? Слышал ли он, когда вернулась его жена?

Надев халат. Полет направилась в конец коридора в общую ванную и заметила свет под дверью комнаты Леонара.

Затем, следуя своей привычке, она приняла снотворное и, ничего не слыша, спала до утра.

Все остальное было еще более проблематично, кроме часа смерти Леонара, которая, по словам доктора Поля, последовала между двумя и тремя часами ночи.

Где и когда выпил Леонар такое значительное количество спиртного, на Которое указывало исследование желудка и анализ крови?

Мегрэ нашел на столе первый отчет экспертов. В него входил подробнейший перечень всего, что находилось в комнате убитого, включая описание мебели, обоев и всех предметов. Но в этом списке не были упомянуты ни бутылки, ни стаканы.

- Будьте любезны, попросите к телефону доктора Поля. Он должен быть уже у себя.

Он действительно только что вернулся после завтрака, который привел его в великолепное настроение.

- Говорит Мегрэ. Не можете ли вы уточнить одну деталь? Речь идет об алкоголе, обнаруженном при вскрытии трупа Леонара Ляшома.

- В желудке, во всяком случае, находился коньяк, - ответил Поль.

- Мне бы хотелось знать, в котором часу был выпит этот коньяк. Вы имеете об этом представление?

- Я даже могу это установить с точностью до получаса. Часть алкоголя, найденного в крови, была поглощена в самом начале вечера, может быть, даже раньше, но это наименее значительная часть. Что же касается коньяка, который находился в желудке в момент смерти, он был выпит довольно много времени спустя после последнего приема пищи, я сказал бы с большим допуском, между 11 часами вечера и часом ночи. Наконец, если вы хотите узнать количество, я выскажусь с большей осторожностью, но все же я его определю в добрую четверть литра.

Мегрэ замолчал, переваривая эту информацию.

- Это все, что вы хотели узнать?

- Минутку, доктор. Можете ли вы после вскрытия сказать, что Леонар был большим любителем выпить или даже пьяницей?

- Ни то и ни другое. Печень и артериальные сосуды в безукоризненном состоянии. Я только обнаружил, что у этого человека в детстве был легкий туберкулезный процесс, возможно даже не замеченный, как это часто случается.

- Благодарю вас, доктор.

Леонар Ляшом вышел из дома в неизвестное время, он мог выйти следом за своей невесткой или позже. Одно твердо известно - то, что он вернулся в девять часов вечера.

В этот час в доме еще не все спали. Возможно, только маленький Жан-Поль. Но и это не наверняка. Так же мало вероятно, что Леонар прямо прошел в свою комнату, не зайдя в гостиную.

Следовательно, он встретился с братом и двумя стариками, а возможно, они даже говорили о чем-то в течение неопределенного времени, пока Катрин на кухне мыла посуду.

Начал ли пить Леонар в это время? О чем они говорили? В котором часу родители ушли к себе наверх?

Если бы не служебное рвение и упрямство следователя Анжело, который помешал ему допросить членов семьи, как ему этого хотелось, Мегрэ теперь все бы давно знал.

Оставались ли братья вдвоем? Что они обычно делали в таких случаях? Читали каждый в своем углу? Болтали?

Совершенно ясно, что Леонар пил коньяк не у себя в комнате, так как там не были найдены ни рюмки, ни бутылки.

Леонар не был пьяницей. Это утверждал доктор Поль, который за долгие годы своей работы вскрыл сотни трупов, и Мегрэ привык ему доверять.

Значит, между одиннадцатью часами вечера и часом ночи старший из братьев Ляшомов выпил добрую четверть литра коньяка?

Где хранилось вино в этом доме? В столовой или в каком-нибудь шкафчике гостиной? Или, может быть, Леонару пришлось спускаться за ним в погреб?

Когда вернулась невестка, он был уже в своей спальне.

Выпил ли он до этого? Или он это сделал после ее возвращения?

Мегрэ подумал о том, что по меньшей мере десяток инспекторов продолжает бегать под дождем, звонить в различные квартиры, расспрашивать людей, пытаясь оживить их память.

Новые сведения добавятся к тем, какими уже располагает Мегрэ, которые будут, а может быть и не будут, противоречить предыдущим.

Ему вдруг захотелось встать, пройти в комнату инспекторов, поговорить о чем-нибудь другом, когда раздался телефонный звонок.

- Нека" мадам Буанэ настоятельно хочет побеседовать с вами лично.

Эта фамилия ему ничего не говорила.

- Узнайте у ней, в чем дело.

Его имя слишком часто Появлялось в газетах, и многие желали во что бы то ни стало говорить с ним лично, даже по вопросам, которые не имели к нему никакого отношения, как, например, потерянная собака или возобновление паспорта.

- Алло! Она говорит, что она консьержка с улицы Франсуа.

- Передайте ей трубку... Алло!.. Здравствуйте, мадам. Говорит Мегру.

- До вас не так легко добраться, господин комиссар. Но я боялась, что вам не передадут. Я хотела вам сообщить, что она только что вернулась. - Одна?

- Да с целой кучей продуктов, а это означает, что она намерена обедать дома.

- Сейчас выезжаю.

Он снова предпочел взять такси вместо слишком известных Черных машин уголовной полиции; Уже темнело. На Рю-де-Риволи пришлось дважды останавливаться из-за затора, и целых десять минут ушло на пересечение Пляс-де-ля-Конкорд, сплошь покрытой мокрыми крышами машин.

Не успел он войти в подъезд дома, где жила Вероника Ляшом, как консьержка выглянула из швейцарской.

- Шестой этаж, налево. Я могу вам сообщить, что, кроме всего остального, она принесла лук порей.

Он заговорщически подмигнул ей, избегая входить в, швейцарскую, так как заметил там ее мужа, а у него не было желания терять время на болтовню.

Дом был комфортабельный, лифт шел медленно, но бесшумно. На шестом этаже на левой двери не было никаких табличек, и Мегрэ, нажав кнопку звонка, ждал, прислушиваясь к шагам, которые приближались из глубины квартиры, приглушенные ковром.

Дверь отворилась, но ожидали явно не его. Женщина смотрела, нахмутив брови, как будто пытаясь вспомнить, где она видела его лицо.

- Вы не?..

- Комиссар Мегрэ.

- Мне сразу показало, что я где-то видела ваше лицо. Я сначала подумала, что в каком-нибудь фильме, а оказывается, в газетах. Войдите. Мегрэ был удивлен, так как Вероника Ляшом оказалась не такой, как он представлял себе по описанию консьержки. На ней был не строгий костюм мужского покроя, а тончайший пеньюар. Комната, в которую она провела посетителя, напоминала скорее будуар, чем гостиную.

Здесь было много белого цвета - стены, шелковая обивка мебели, и лишь только кое-где - голубые пятна фарфора и блекло-розовый тон пушистого ковра.

- Что вас так удивляет? - спросила она, указывая ему на глубокое кресло.

Пальто было мокрым. Мегрэ не решался сесть.

- Позвольте ваше пальто.

Она понесла пальто в прихожую. По крайней мере в одном пункте консьержка не ошиблась: вкусный запах жареного лука уже доносился-из кухни.

- Я не думала, что полиция так быстро появится здесь, - заметила она, садясь напротив Мегрэ.

Некоторая полнота не портила ее, а, наоборот, делала очень симпатичной, и Мегрэ подумал, что многие должны находить ее соблазнительной. Она не жеманилась и даже не потрудилась прикрыть пеньюаром открытые выше холен ноги. Ее ножки с лакированными ноготками играли домашними тупельками, опущенными лебяжьим пухом.

- Вы можете закурить вашу трубку, господин комиссар. Она вынула сигарету из портсигара, встала, чтобы взять спички, и снова села.

- Меня только немного удивляет, что они вам сказали обо мне. Должно быть, вы их так бомбардировали вопросами, что им пришлось рассказать. Ведь для них я уже давно паршивая овца, и я уверена, что мое имя в этом доме табу.

- Вы в курсе того, что произошло сегодня ночью?

Она указала на развернутую газету, валявшуюся на стуле.

- Мне известно только то, что я прочла.

- Вы прочли газету недавно, когда вернулись домой? Она колебалась одно мгновение.

- Нет, у моего друга. И добавила добродушно:

- Вы знаете, мне тридцать четыре, и я уже совершеннолетняя.

Глаза у нее были выпуклые, темно-голубые, одновременно наивные и лукавые.

- Вы не очень удивлены, что я не бросилась немедленно на набережную де-ля-Гар? Признаюсь, что я наверняка даже не пойду на похороны. Меня не приглашали ни на свадьбы моих братьев, ни на похороны моей старшей невестки. Мне не сообщили, о рождении племянника. Как вы видите, это окончательный разрыв!

- А разве вы сами этого не хотели?

- Да, вы правы, я сама оттуда ушла.

- По какой-нибудь определенной причине? Если я не ошибаюсь, вам было тогда всего восемнадцать лет.

- И моя семья желала выдать меня замуж за богатого промышленника. Но заметьте, что и без этого я бы все равно ушла из дома, только, может быть, немного позже. Вы там, конечно, были.

Он кивнул головой.

- Не думаю, что за это время что-нибудь изменилось к лучшему. Там все так же мрачно? Пожалуй, меня больше всего удивляет, что грабитель не испугался. Или он был пьян, или же никогда не видел этого дома при ярком свете.

- Вы верите в этого грабителя?

- В газете... - начала она. На лбу у нее появились морщинки. - Значит, это не правда?

- Я не уверен. Члены вашей семьи немногословны.

- Я помню, как в моей юности иногда за целый вечер не произносилось и десяти фраз. Как выглядит моя невестка?

- Довольно хорошенькая, насколько я мог заметить.

- Правда ли, что она очень богата?

- Очень.

- Я прочла о ней все, что было написано в газетах в связи со свадьбой. Я видела фотографии. Сначала я очень жалела эту бедную девушку, а затем начала размышлять.

- И к какому заключению вы пришли?

- Если бы она была некрасивой, все это было бы легче понять. В конце концов биография ее отца дала мне ключ к разгадке. У него ведь были неприятности, не так ли? Он вышел из самых низов. Рассказывали, что вначале он ездил на своей тележке из одной деревни в другую и не умел ни читать, ни писать. Я не знаю, воспитывалась ли его дочь в монастырском пансионе, но независимо от того, в какой школе она училась, другие девчонки устраивали ей нелегкую жизнь. Конечно, имя Ляшомов звучит еще солидно, в особенности в Иври.

Особняк на набережной все еще остается крепостью. Вы понимаете, что я хочу сказать? Эти Зюберы, отец и дочь, сразу вошли в круг большой буржуазии... Мегрэ самому все это уже приходило в голову.

- Я подозреваю, что она за это дорого расплачивается, - продолжала Вероника. - Не хотите ли выпить стаканчик?

- Благодарю. Вы не встречали никого из членов вашей семьи в последнее время?

- Никого.

- Вы ни разу туда не возвращались?

- Я скорее сделала бы крюк, чтобы не проходить мимо дома, с которым у меня связаны слишком тяжелые воспоминания. Однако мой отец, вероятно, неплохой человек. Он не виноват в том, что родился Ляшомом и что его сделали таким, каким, он стал.

- А Леонар?

- Леонар гораздо более Ляшом, чем отец. Именно Леонар хотел во что бы то ни стало выдать меня замуж за богатого промышленника, отвратительного типа, и он говорил со мной по поводу этого брака тоном короля, объясняющего принцу-наследнику, что его основной долг - обеспечить продолжение династии.

- Вы знали вашу первую невестку?

- Нет. Когда я жила дома, мой брат, несмотря на все свои усилия, еще не нашел выгодной партии. Я была первой, от которой потребовали самопожертвования. Что же касается Армана, то в

это время он как раз болел. Он никогда не обладал крепким здоровьем. Совсем молодым он был уже плохой копией Леонара. Он старался подражать всем его жестам, походке, голосу. Я высмеивала его. По существу, он просто жалкий человек.

- Вы не имеете никакого представления о том, что могло произойти прошлой ночью?

- Никакого. Не забудьте, что я знаю меньше, чем вы. Это действительно не был грабитель?

- Я все больше в этом сомневаюсь.

- Вы хотите сказать, что преступление могло быть совершено кем-нибудь из домашних?

Она задумалась, и вывод, который она сделала, был крайне неожиданным:

- Занятно!

- Почему?

- Не знаю. Надо обладать определенным мужеством, чтобы убить человека, и я просто не представляю себе, кто в этой семье... - Где вы были прошлой ночью? Она не обиделась на этот вопрос.

- Меня удивляет только, почему вы не задали мне этот вопрос раньше. Я находилась за стойкой бара, "Амазонка". Полагаю, вы в курсе? Именно поэтому вы были так поражены, увидев меня в домашнем туалете, который модный журнал назвал бы воздушным. "Амазонка" - это работа. Смокинг черного бархата и монокль. Дома я снова становлюсь сама собой. Вам понятно?

- Да.

- Когда я нахожусь дома, я веду себя так, как будто мне нужно отомстить за то, что на работе я обязана изображать Деловую, энергичную женщину.

- А ваши братья или невестка никогда не заходили в "Амазонку"?

- Прежде всего, они не знают, что я там работаю, потому что я никогда не давала им своего адреса, а известна я только в очень узком кругу. Затем, я сомневаюсь, чтобы у них явилось желание созерцать представительницу семейства Ляшом стоящей за стойкой бара в ночном кабаре. Однако... Она остановилась, неуверенная... - Я не знаю лично мою невестку Полет. Прошли уже годы с тех пор, как ее фотография была помещена в газетах в связи со свадьбой. Но однажды вечером мне показалось, что я увидела ее сидящей за столиком в нашем кабаре. Возможно, что мне это только показалось. Вот почему я колебалась и не рассказала вам об этом сразу. Меня поразило, как она смотрела на меня - так пристально, с таким любопытством. К тому же она была одна.

- Когда это случилось?

- Месяца полтора тому назад, возможно, уже два.

- Вы ее больше не видели?

- Нет. Простите, но мне надо сбегать на кухню, взглянуть на суп.

Она довольно долго оставалась на кухне, и он сидел, прислушиваясь к стуку кастрюль и тарелок, звону ножей и вилок.

- Я воспользовалась случаем, чтобы заодно поставить жаркое в духовку. Не надо об этом сообщать ни владелице "Амазонки", ни нашим клиентам, потому что меня перестанут уважать, и я рискую потерять свое место: я обожаю готовить.

- Для одной себя?

- Да, для себя одной, а иногда и для двоих.

- Сегодня вечером для двоих?

- Как вы догадались?

- Вы только что упомянули про жаркое.

- Да. Мой друг должен сейчас прийти.

- На этот раз дело идет о серьезной связи?

- Кто вам об этом сказал? Кто-нибудь из "Амазонки"? Неважно, раз я этого не скрываю. Ну что ж, господин комиссар? Представьте себе, что в тридцать четыре года я влюблена и задаю себе вопрос, не бросить ли мне все для того, чтобы выйти замуж. Я люблю заниматься хозяйством, ходить на рынок, к мяснику, в молочную. Я люблю сидеть дома и готовить изысканные кушанья. И все это бесконечно более приятно, когда ждешь кого-нибудь и накрываешь стол на двоих. Таким образом... - Кто он такой?

- Уже не слишком молодой, сорок четыре года. Нельзя сказать, чтобы он был красавцем, но очень приятный. Со своей стороны, он тоже устал от мебелированных комнат и ресторанов.

Он работает в рекламе. Так как он занимается в основном кинорекламой, то ему приходится ежедневно бывать у фуке, у Максима, в клубе на Елисейских полях. У него было столько кинозвезд, сколько ему хотелось, но, как известно они тоже большей частью живут в мебелированных комнатах и питаются в ресторанах. Тогда-то он и начал думать, что такая женщина, как я... Несмотря на столь явную иронию, чувствовалось, что она влюблена, возможно, даже страстно.

- Я только что от него, и мы решили сегодня пообедать вдвоем. Мне уже пора накрывать на стол. Если вы еще хотите задавать мне вопросы, пойдемте со мной. Я могу одновременно работать, слушать вас и вам отвечать... - Я спрошу у вас только его имя и адрес.

- Он вам нужен?

- Не исключено.

- Жак Сенваль, улица Понтье, 23. Жак Сенваль не настоящее его имя. В действительности его зовут Артур Бакэ, но это не слишком звучное имя для агента по рекламе. Вот почему он взял псевдоним, - Благодарю вас.

- За что?

- Вы меня так мило приняли.

- Ну что вы! Вы даже отказались выпить стаканчик! Правда, у меня в доме не так уж много выпивки. С меня хватает, что я всю ночь вынуждена пить шампанское. Чаще всего я делаю вид, что пью, и выливаю остатки в мойку.

Этой женщине было еще интересно жить.

- Простите, что я не плакала. Возможно, это следовало сделать, но у меня не выходит. Мне не терпится узнать, кто убил Леонара.

- Мне тоже.

- Вы мне скажете?

- Обещаю.

Казалось, они уже стали сообщникам", потому что в конце концов на лице Мегрэ появилась такая же беспечная улыбка, как улыбка полной женщины в пышном, шуршащем пеньюаре.

Выйдя на площадку лестницы, он задержался, поджидая лифт. Лифт поднимался снизу и остановился как раз на этой же площадке; из него вышел мужчина с темными волосами, уже редующими на висках. На нем был светлый плащ, а в руке он держал коричневую шляпу.

- Простите, - пробормотал он, проходя мимо комиссара. Мужчина оглянулся и снова взглянул на Мегрэ, как будто его лицо тоже было ему хорошо знакомо.

Мегрэ спустился в лифте. Консьержка караулила его за стеклянной дверью.

- Вы его видели? Он только что поднялся.

- Да.

- А она вам какой показалась?

- Она очаровательна.

Он благодарил, улыбался. Консьержка могла ему еще понадобиться, и нельзя было ее разочаровывать. Он также пожал руку мужу, шоферу такси, которому прежде случалось несколько раз возить его на своей машине.

Когда Мегрэ наконец вышел на улицу, первое, что он увидел, был красный спортивный "панхард", стоящий у подъезда.

Глава 6

Мегрэ довольно долго переходил через улицу, пробираясь между машинами, так как наступил час "пик". Очутившись на противоположной стороне, он поднял голову и посмотрел на окна только что покинутой им квартиры..

Железный балкон опоясывал весь дом, разделенный в центре такой же решеткой. Стало уже совсем темно, и добрая половина окон была освещена. Балконная дверь на шестом этаже была полуоткрыта, и мужчина с сигаретой в зубах, который, перегнувшись через перила, смотрел на улицу, быстро отступил назад, увидев комиссара.

Это был тот самый человек, который только что столкнулся с ним в дверях лифта, так называемый Жак Сенваль, занимающийся кинорекламой.

Он ушел в комнату. Балконная дверь закрылась. Интересно, что он сейчас говорит Веронике Ляшом, которая суетится, накрывая на стол?

Прямо напротив этого дома находился бар, не какое-нибудь бистро, а один из тех американских баров с высокими табуретами и интимным освещением, которых все больше и больше появляется в окрестностях Елисейских полей.

Мегрэ вошел в бар и нашел, несмотря на толкучку, свободный табурет у стенки. Было жарко, шумно, накурено, звучал женский смех. Хорошенькая девушка в черном платье и белом передничке, улыбаясь, ожидала, пока он, отдаст ей пальто и шляпу.

Когда бармен обернулся к нему, глядя на него, как человек, который пытается вспомнить, где он его уже видел, Мегрэ заказал после легкого колебания:

- Один грог!

Потом он спросил:

- Телефон?

- Внизу.

- У вас есть жетоны?

- Спросите у дежурной.

Это заведение было не из тех, которые он охотно посещал. Он чувствовал себя несколько неловко, потому что таких баров не было во времена его молодости. Деревянные панели были украшены охотничьими сценами с всадниками в красных жакетах, и прямо над стойкой бара висел настоящий охотничий рог.

Пока он шел к лестнице, которая находилась в глубине зала, он заметил, что на него смотрят. Бармен наконец узнал его. Остальные, по-видимому, тоже. Большинство женщин были молодыми. Мужчины, хотя и постарше, все же не принадлежали к поколению комиссара.

Он тоже выловил в толпе несколько знакомых лиц и тогда вспомнил, что немного дальше по этой же улице находится телевизионная студия.

Мегрэ спустился по лестнице с дубовыми перилами и увидел около гардеробной красивую женщину.

- Будьте любезны, один жетон.

Там были три застекленные кабины, но телефоны не были автоматическими.

- Какой номер вы желаете?

Ему пришлось дать ей номер криминальной полиции, и тогда молодая женщина тоже узнала его и взглянула на Мегрэ более внимательно.

- Вторая кабина.

- Управление криминальной полиции слушает.

- Говорит Мегрэ. Пожалуйста, соедините меня с Люка.

- Одну минутку, господин комиссар... Ему пришлось ждать. Люка говорил по другому телефону. Наконец Мегрэ услышал его голос.

- Прошу меня извинить, патрон. Как раз звонил следователь. После вашего ухода он звонит уже третий раз и удивляется, что вы ему не сообщаете новости.

- Дальше.

- Он задал мне множество вопросов... - Каких?

- Во-первых, он спросил, возвращались ли вы на набережную де-ля-Гар. Я ответил, что не думаю. Он хотел знать, допрашивали ли вы других свидетелей. И наконец, несколько минут тому назад он мне оставил для вас поручение... Он должен поехать домой переодеться, так как обедает, вне дома... Весь вечер его можно застать по телефону "Бальзак-23-74"... Это было в том же районе Елисейских полей, где сейчас находился Мегрэ.

- Он настаивает на том, чтобы допросы свидетелей, если вы-собираетесь их проводить, проводились в его кабинете... Чувствовалось, что Люка смущен. - Это все?

- Нет. Он меня расспрашивал, где находятся инспектора, что они делают, что они уже обнаружили... - Ты ему сказал?

- Нет. Я сделал вид, что ничего не знаю. Он был очень недоволен.

- Есть еще новости?

Сквозь стекло кабины он видел дежурную телефонистку, она разглядывала его, одновременно подкрашивая губы, и какую-то даму, которая застегивала подвязки перед зеркалом. - Нет. Лапуэнт только что заступил на дежурство. Он беспокоится. Ему тоже хочется что-нибудь сделать. - Передай ему трубку... Лапуэнт? Возьми служебную машину и поезжай в Иври. Прямо напротив моста Насиональ ты увидишь бакалейную лавчонку. Я забыл фамилию хозяйки. Что-то вроде Шодэ, Шодои или Шодуа. - Будь с ней очень мил, очень вежлив. Скажи ей, что она нам крайне необходима, но мы ее долго не задержим. Она захочет надеть парадный туалет. Постарайся, чтобы это не слишком затянулось. Ты привезешь ее на улицу Франсуа, к дому номер 17-6. Перед подъездом ты наверняка увидишь красную машину. Остановись поблизости. Оставайтесь с ней в машине, пока я не подам вам знак... - Хорошо, патрон.

Мегрэ вышел из кабины, расплатился за разговор.

- Благодарю вас, месье Мегрэ.

Уже давно это перестало доставлять ему удовольствие. Наверху посетителей стало еще больше, и молодая рыжая девушка потеснилась, чтобы дать ему возможность забраться на табурет.

За одним из столиков мужчина его возраста с седыми висками и поредевшими волосами обнимал за талию пухленькую девушку лет двадцати, и в первый раз Мегрэ был шокирован. Возможно, из-за следователя Анжело, такого юного, словно он только что покинул школьную скамью, комиссар вдруг почувствовал себя стариком, человеком, принадлежащим прошлому.

Все эти девушки, которые курили, пили виски и коктейли, были уже не для мужчин его поколения. Правда, некоторые из них, громко разговаривая, поворачивались к нему с большей или меньшей нескромностью, для того чтобы бросить на него любопытный взгляд.

Ему стоило только наклониться, чтобы увидеть освещенные окна шестого этажа в доме напротив, за которыми иногда мелькали тени.

Он взвесил все "за" и "против". Вначале он хотел дождаться Жака Сенваля у подъезда. Вероника Ляшом была сильно влюблена, в этом не было ни малейшего сомнения. Не причинит ли он ей горя, не рискует ли он поссорить влюбленных?

Не первый раз сомнения подобного рода мешали ему в работе. Но если интуиция не обманывала его, то не лучше ли будет ввести Веронику в курс дела?

Он медленно пил грог, пытаясь мысленно представить себе, что происходит сейчас у Вероники. Обед уже подан. Оба сели за стол. Он даст им время поесть, а также даст возможность Лапуэнту с бакалейщицей доехать из Иври.

- Еще один грог, - заказал он.

Все меняется. Как с детьми - они растут, и ты не замечаешь те мгновения, когда происходит изменение, а только видишь результаты.

Его личный враг, как он любил его называть, следователь Комельо был уже в отставке и превратился в старого господина, прогуливающего по утрам свою собаку под руку с дамой с крашеными волосами сиреневого цвета.

Мегрэ стал замечать, что в уголовную полицию приходят работать все более молодые люди, потому что теперь можно получить для этого образование в специальных школах и не надо, как прежде, мучительно долго, годами, накапливать опыт самому, работая сначала на улицах, на вокзалах, следя за общественным порядком.

Теперь возраст некоторых из его коллег, равных ему по рангу и положению, едва достигает сорока лет. Они были дипломированными юристами и часто имели еще два-три других университетских диплома. Правда, эти люди редко покидали кабинеты, довольствуясь отправкой своих подчиненных на место преступления, а затем обрабатывали результаты, полученные таким образом.

Все постепенно менялось, и вот наконец произошла смена судебных следователей. Команда молодых спортсменов заняла место прежних и намеревается, как этот Анжело, руководить следствием от начала до конца.

- Сколько я вам должен?

- Шестьсот... Цены тоже изменились. Он вздохнул и поднялся с места.

Заботился бы следователь Анжело так же скрупулезно о соблюдении формальностей, если бы дело шло о Канонике, о любом профессиональном воришке или каком-нибудь простом рабочем с набережной Жавель?

Даже доведенные до нищеты, представляющие жалкое и отвратительное зрелище, Ляшомы оставались для таких, как этот Анжело, привилегированной кастой, благородным семейством, имя которого в течение целого века произносилось с уважением.

Будет ли так и для новых поколений?

Не то чтобы Мегрэ задавал себе эти вопросы, но он не мог помешать своим мыслям вращаться вокруг них, так они его беспокоили. Бывают дни, когда становишься более восприимчивым. Вчера был день поминовения усопших.

Он пожал плечами и перешел на другую сторону улицы. Сквозь тюлевые занавески он увидел консьержку, сидящую с мужем за круглым столом, и приветствовал их жестом, хотя не был уверен, что они его заметили.

Он снова поднялся в лифте на шестой этаж, нажал кнопку звонка, услышал голоса, затем шаги. Ему открыла Вероника, еще более розовая, чем раньше, от горячего супа, как он позже убедился.

Она удивилась, увидев его снова, но не проявила беспокойства.

- Вы что-нибудь забыли? У вас был зонтик? Она машинально взглянула на вешалку.

- Нет. Я хочу сказать несколько слов вашему другу.

- А!

Она закрыла за ним дверь.

- Входите! Сюда... Она не провела его в гостиную, а прямо на кухню. Кухня была тоже белая, со множеством электрических хромированных аппаратов, которые можно увидеть на выставках предметов домашнего хозяйства. Нечто вроде балюстрады разделяло кухню на две части. На другой половине была устроена маленькая столовая. Дымящаяся суповая миска стояла на столе. Жак Сенваль держал в руке ложку.

- Это комиссар Мегрэ, он хочет с тобой, поговорить... Мужчина поднялся, явно чувствуя себя неловко, не зная, поздороваться ли ему за руку, и наконец решился.

- Очень приятно.

- Садитесь. Продолжайте обедать... - Я только что собиралась убрать суп.

- Не обращайтесь на меня внимания.

- Будет лучше, если вы снимете пальто. Здесь очень жарко. Она унесла его пальто в прихожую.

Мегрэ сел на стул с погасшей трубкой в руке, чувствуя, что следователь Анжело строго осудил бы его за приход сюда.

- Я хочу только задать вам один или два вопроса, месье Сенваль. Я видел внизу вашу машину, красный "панхард", я не ошибаюсь?

- Нет.

- Не стояла ли ваша машина вчера вечером, около шести часов, прямо против моста Насиональ?

Ждал ли Сенваль этого вопроса? Во всяком случае, он не моргнул глазом и, казалось, пытался вспомнить.

- Напротив моста Насиональ? - повторил он.

- Это последний мест перед Иври, железнодорожный мост... Вероника, которая вернулась на кухню, удивленно смотрела на обоих.

- Не помню... Нет... Подождите... Вчера днем... - Около шести часов.

- Нет... Конечно, нет... - Вы никому не одалживали вашу машину?

Не случайно комиссар бросил ему этот спасательный круг.

- Нет, я, собственно говоря, никому ее не одалживал, но возможно, что кто-то из моих коллег мог ею воспользоваться.

- Вы обыкновенно оставляете ее перед вашим агентством? - Да.

- И ключи от машины тоже?

- Конечно, это рискованно, не так ли? Но редко случается, чтобы воровали такие приметные машины, их слишком легко отыскать.

- Вы и ваши коллеги работаете также и по воскресеньям?

- Да, нам часто приходится... - Ты уверен, что ты не врешь. Жако? - вмешалась Вероника, подавая на стол жаркое.

- А зачем мне лгать? Ты сама знаешь, что наша фирма оплачивает и гараж, и горючее... Если кому-нибудь надо срочно съездить по делу и у него нет под рукой машины... - Само собой разумеется, вы незнакомы с Полет?

- С какой Полет?

Вероника Лящом больше не улыбалась. Она стала чрезвычайно серьезной.

- С моей невесткой, - уточнила она.

- Ах! Да... Я смутно вспоминаю, ты мне о ней говорила... - Вы ее знаете?

- Да, по имени.

- И вам известно, что она живет на набережной де-ля-Гар?

- Вы мне об этом напомнили. Я забыл. Мегрэ заметил, что внизу, у консьержки, был телефон. В гостиной у Вероники тоже стоял телефон.

- Вы разрешите мне позвонить?

- Вы знаете, как пройти к телефону?

Он вошел в гостиную один-и позвонил консьержке.

- Говорит Мегрэ... Я на шестом этаже... Да... будьте добры, посмотрите на улице, не стоит ли там маленькая черная машина... В ней должны находиться молодой мужчина и женщина средних лет... Скажите им от моего имени, что я прошу их подняться сюда... Он не понизил голоса. На кухне все было слышно. Это была неприятная работа, и он старался сделать ее корректно.

- Прошу извинения, но я вынужден произвести очную ставку. Ему показалось, что круглые глаза Вероники, еще недавно такие веселые, стали влажными. Ее грудь поднималась в другом ритме. Она заставляла себя есть, но у нее уже пропал аппетит.

- Ты можешь поклясться, что ничего не скрываешь, Жако? Даже само имя "Жако" звучало сейчас неуместно.

- Уверяю тебя. Ник... Первый раз в жизни - Вероника сама призналась в этом - у нее была серьезная связь, и, несмотря на весь свой внешний цинизм, она должна была дорожить этой любовью. Чувствовала ли она, что ее любовь под угрозой? Или у нее всегда были сомнения в искренности агента по рекламе? Или, может быть, она сознательно закрывала глаза, потому что в тридцать четыре года она устала играть роль женщины в смокинге и умирала от желания выйти замуж, как все?

Мегрэ ждал звонка. Когда он раздался, Мегрэ бросился в коридор и сам открыл дверь.

Как он и ожидал, бакалейщица надела праздничное платье, черное пальто с куньим воротником и очень вычурную шляпку... Лапуэнт ограничился тем, что лукаво подмигнул своему патрону и сказал:

- Я торопился, как только мог.

- Войдите, мадам. Это вы, не так ли, видели вчера вечером красную машину, стоявшую против вашего магазина? Он сознательно избегал слова "лавка".

- Да, месье.

- Следуйте за мной.

Она молча остановилась в дверях кухни, затем, обернувшись к комиссару, спросила:

- Что я должна сделать?

- Вы кого-нибудь здесь узнаете?

- Конечно.

- Кого?

- Вот этого господина, который обедает... Мегрэ снял с вешалки плащ и шляпу Сенваля.

- Я их узнаю тоже. Кроме того, я уже на улице узнала машину. У нее вмятина на правом крыле.

С сухими глазами, сжав зубы. Вероника Ляшом встала из-за стола и опустила свою тарелку в раковину. Ее друг тоже перестал есть. Он колебался, продолжать ли ему сидеть, и наконец встал, пробормотав: - Ясно.

- Что ясно?

- Я там был.

- Благодарю вас, мадам.

- Ты можешь отвезти ее обратно, Лапуэнт, пусть на всякий случай она подпишет свои показания.

Когда они остались втроем, Вероника сказала чуть охрипшим голосом:

- Вас не затруднит, вас обоих, обсуждать ваши дела в другом месте, а не в моей кухне?..

Пройдите в гостиную, если вам угодно... Мегрэ понимал, что она хочет остаться одна, возможно, чтобы заплакать. Он ведь испортил ей не только вечер, но гораздо больше. Интимный обед вдвоем плохо кончился.

- Пойдемте... Он неплотно прикрыл за собой дверь, считая, что дочь Ляшомов имеет право знать все.

- Садитесь, месье Сенваль.

- Вы позволите мне закурить?

- Пожалуйста.

- Вы отдаете себе отчет в том, что вы сделали?

- А вы?

Любовник Вероники походил на школьника, который, застигнутый на месте преступления, упрямится и капризничает.

- Я могу тотчас же доказать вам, что вы ошибаетесь.

Мегрэ уселся напротив него и стал набивать трубку. Он молчал, не желая облегчать положение своего собеседника. Он сам понимал, что это несправедливо. Следователя Анжелб здесь не было, а Сенваль не требовал присутствия адвоката.

Должно быть, он казался красивым парнем женщинам определенного типа, но вблизи, особенно в эту минуту, у него был потасканный вид. Без привычного апломба, которым он обычно щеголял, он становился слабым и нерешительным.

Он чувствовал бы себя более непринужденно в баре напротив.

- Я читал газету, как и все, и теперь догадываюсь, о чем вы думаете.

- Я еще ничего не думаю.

- Тогда для чего же вы привели сюда эту женщину, которую я вижу в первый раз?

- Для того чтобы заставить вас признаться, что вы были вчера на набережной де-ля-Гар.

- Ну и что из этого?

- Ничего, кроме того, что вы знаете Полет Ляшом.

- Ну и что?

Он снова начал обретать уверенность, вернее, пытался хорохориться.

- Я знаком с сотней женщин, но я никогда не знал, что это уголовное преступление.

- Я вас не обвиняю ни в каком уголовном преступлении, месье Сенваль.

- Однако вы приходите сюда, к моей приятельнице, прекрасно зная, что... что... - Что я вас ставлю в затруднительное положение, так как, я полагаю, вы никогда не рассказывали ей о ваших отношениях с Полет Ляшом?

Сенваль замолчал, опустив голову. Из кухни доносился стук тарелок, ножей. Можно было подумать, что Вероника не слушает их разговор.

- Как давно вы ее знаете?

Сенваль не ответил, не зная, продолжать ли ему лгать или нет. Тогда вмешалась Вероника, доказав этим, что она следила за их разговором.

- Это я виновата, месье Мегрэ. Теперь я все поняла. Я была глупой гусыней и должна была быть готова к тому, что случилось... Она плакала на кухне не очень долго, однако достаточно, чтобы глаза покраснели. Она держала носовой платок в руке, и ноздри у нее были влажными.

- Сама того не зная, я уже ответила вам на этот вопрос, когда вы заходили ко мне сегодня первый раз. Вы помните, я сказала, что месяца полтора-два тому назад мне показалось, что я увидела свою невестку в зале. Жак зашел за мной в тот вечер, как он это часто делал. Не знаю, почему я ему рассказала об этом, хотя раньше никогда не рассказывала о моей семье. Я не могу вспомнить точно, как это произошло. Кажется, я сказала: "Мой брат был бы сильно удивлен, если бы узнал, какие заведения посещает его жена!" Что-то в этом роде... Жак меня спросил, что делает мой брат, и мне показалось забавным ответить: "Вафельки!" Нам было очень весело в ту ночь. Мы шли, крепко прижавшись друг к другу. "Он кондитер?" - "Да, в этом роде. Ты никогда не слышал о вафлях "Ляшом"?" И так как это имя ему ничего не говорило, я добавила-^ "Его жена стоит триста миллионов франков, а может быть, и больше". Теперь вы понимаете?

Мегрэ понял, но ему надо было знать больше.

- Он расспрашивал о вашей невестке?

- Не сразу. Это началось позже. Он задавал то один вопрос, то другой, как будто не придавая этому значения... - Вы уже обсуждали вопрос о вашем браке?

- Несколько недель назад. Достаточно серьезно.

- А потом вы возвращались к этому вопросу?

- Я считала, что этот вопрос решен раз и навсегда.

Сенваль пробормотал, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно:

- Я никогда не менял своего решения.

- Тогда для чего ты познакомился с моей невесткой?

- Из простого любопытства... без определенной цели... и потом - она же замужем... следовательно... - Следовательно, что?

- Я был совершенно не заинтересован в... - Разрешите, - прервал их Мегрэ, - я хотел бы, в свою очередь, задать несколько вопросов. Скажите мне, месье Сенваль, где и когда вы познакомились с Полет Ляшом?

- Вам нужна точная дата?

- Я не настаиваю на точности до одного часа.

- Это было в четверг, около четырех недель тому назад, в чайном салоне на улице Руаяль.

- Ты теперь стал посещать чайные салоны? - прыснула Вероника.

У нее не осталось больше никаких иллюзий, она не цеплялась за него. Она знала, что все кончено, и не обижалась на своего приятеля.

Она обвиняла во всем только себя одну.

- Я не думаю, - настаивал Мегрэ, - что вы оказались там случайно. Вы следили за Полет. По-видимому, от самого ее дома. Сколько дней вы ее подкарауливали?

- Это было на второй день.

- Иначе говоря, с целью познакомиться с ней вы ежедневно караулили ее в машине на набережной де-ля-Гар. Он не стал отрицать.

- Полет, по-видимому, на своем голубом "пontiаке" отправилась в город, и вы за ней последовали.

- Она оставила машину на площади Вандом и делала покупки на улице Сент-Онорэ.

- Вы заговорили с ней в чайном салоне?

- Да.

- Она удивилась?

- Очень.

- Из этого вы сделали вывод, что она не привыкла к тому, чтобы за ней ухаживали?

Все это подтверждало его предположения.

- Когда вы ее первый раз привезли к себе?

- Не к себе, - запротестовал Сенваль.

- Значит, в гостиницу?

- Нет. Один из моих друзей разрешил мне воспользоваться его квартирой. Вероника снова насмешливо вмешалась:

- Вам понятно, месье Мегрэ? Для меня его квартира на улице. Понтье была достаточно хороша, но для женщины, у которой несколько сотен миллионов, нужна была обстановка более роскошная. Где это было, Жак?

- У одного англичанина, ты его не знаешь, на острове Сан-Луи.

- Она вас там часто посещала?

- Довольно часто.

- Каждый день?

- Только в последнее время.

- Днем?

- Иногда и вечером.

- Вчера тоже?

- Да.

- Что произошло вчера вечером?

- Ничего особенного.

- О чем вы говорили? Вероника снова вмешалась:

- Вы воображаете, что они много разговаривали?

- Отвечайте, Сенваль.

- Вы ее уже допрашивали?

- Нет еще.

- Вы будете ее допрашивать?

- Завтра утром, в кабинете следователя.

- Я не убивал ее шурина. У меня не было никаких оснований его убивать. Он помолчал мгновение" и озабоченно добавил тихим голосом:

- И у нее тоже.

- А Леонара Ляшома вы когда-нибудь видели?

- Однажды, когда я ждал на набережной, я видел, как он выходил из дома.

- Он вас тоже видел?

- Нет.

- Где вы вчера обедали с Полет?

- В одном ресторане Пале-Руаяля. Вы можете проверить. Мы сидели за столиком на антресолях. Ресторан называется... - Знаю! - прервала его Вероника. - Этот ресторан называется "У Марселя". Он меня туда тоже водил и тоже на антресоли, наверняка за тот же столик, в левом углу. Правильно, Жак?

Он промолчал.

- Когда вы отъехали от набережной де-ля-Гар, не заметили ли вы, что за вами следует другая машина?

- Нет. Шел дождь. Я даже не взглянул в зеркало над рулем.

- После обеда вы сразу отправились в квартиру на остров Сан-Луи?

- Да.

- Вы провожали вчера Полет домой?

- Нет. Она настояла на том, чтобы уехать в такси.

- Почему?

- Потому что ночью красная машина еще заметнее на пустынной набережной, чем днем.

- Она очень боялась, что ее увидят вместе с вами? Чувствовалось, что Сенваль не понимает, какую цель преследует Мегрэ, точнее говоря, он пытался угадать, какая ловушка таилась за этими вопросами.

- Я полагаю, что это вполне естественно.

- Я думаю, однако, что ее взаимоотношения с мужем были скорее прохладными.

- Уже несколько лет между ними не было никаких интимных отношений. Арман - больной человек.

- Вы уже начали называть его Арманой?

- Надо же было его как-то называть.

- Короче говоря, вашей ноги ни разу не было в доме Ляшомов, и вы уже считали себя как бы членом семьи?

- Послушайте, вы оба. Не имеет смысла играть в кошки-мышки. Вам обоим известно, в чем дело. Мне тоже, к несчастью. Я просто толстая, глупая гусыня. Хотя Жак и бывает у Фукэ, у Максима и в других шикарных местах, но он всегда был без гроша, и у него ничего нет за душой, кроме его машины, если только за нее выплачено. Я давно заметила, что у него долги в барах и ресторанах. Когда он со мной познакомился, он решил, что девица моего возраста, которая всю жизнь работала, должна иметь сбережения, а я еще имела несчастье привести его сюда и рассказать ему, что только что купила эту квартиру. Это правда. Квартира моя. Я даже собираюсь построить небольшой домик на берегу Марны. Это ему показалось роскошным, и, хотя я ни о чем его не просила, он сам заговорил со мной о браке. Только мне пришла в голову идиотская мысль рассказать ему историю моей невестки и ее миллионов... - Я никогда не принимал деньги от женщин, - произнес Сенваль монотонным голосом.

- Именно об этом я и говорю. Ему было совершенно неинтересно выманивать у нее маленькие суммы. Тогда как, женившись... - Она замужем... - А для чего тогда существует развод? Признайся, что вы с ней говорили о разводе?

Он колебался, не зная уже, какой из них отдать предпочтение.

Мегрэ же сообщил ему, что завтра утром он будет допрашивать Полет.

- Я не принял этого разговора всерьез, - хмуро сказал Сенваль. - Я влез в эту историю из любопытства... - Значит, это она хотела развода... И именно для того, чтобы на бракоразводном процессе не ее, а другую сторону признали виновной, она пряталась, чтобы ее не выследили, вам

понятно, месье Мегрэ?.. Я не сержусь на вас за то, что вы были виновником нашего разрыва... Это не ваша вина... Вы искали другое.... Случается, что, охотясь за крупной дичью, вспугивают кролика... А ты. Жако, будь любезен, забери свой халат и ночные туфли и пришли мне мои вещи... Мне уже скоро идти на работу, и я должна навести парад. Она засмеялась нервным смехом.

- Это мне наука!.. Тем не менее вы ошибаетесь, комиссар, подозревая Жака в убийстве Леонара. Во-первых, я не вижу причин, для чего ему было это делать... Затем, между нами говоря, его смелость лопнула бы как мыльный пузырь, прежде чем он перелез через стену... Простите меня, что я ничем вас не угостила.

Слезы неожиданно брызнули у нее из глаз, но Вероника даже не отвернулась. Она воскликнула сдавленным голосом:

- Убирайтесь отсюда вон, оба... Мне уже давно пора одеваться... Она подталкивала их к вешалке. На площадке лестницы Сенваль обернулся:

- А мой халат и туфли?

Вместо того чтобы пойти за вещами, она воскликнула:

- Я тебе их пришлю. Не бойся! Их никто не наденет... Дверь захлопнулась, и Мегрэ услышал рыдание, одно-единственное всхлипывание и быстро удаляющиеся шаги.

Он и Сенваль молча ждали лифта. Агент по рекламе пробормотал, входя в кабину.

- Вы понимаете, что вы сделали?

- А вы? - отпарировал Мегрэ, наконец-то закуривая трубку. А этот идиот следователь еще хотел присутствовать при расследовании от начала до конца! Для развлечения, наверное.

Глава 7

Всю ночь его преследовали кошмары, как школьника, который видит страшные сны накануне экзамена. И хотя Мегрэ в своих , сновидениях ни разу не видел следователя Анжело, хотя этот образ ни разу не возникал перед ним реально, он все время ощущал его незримое присутствие. Сон не был цельным. Скорее это была длинная вереница снов, прерываемых периодами полусна, иногда даже мгновениями абсолютной ясности, во время которых комиссар продолжал свое трудное дело.

Сон начался довольно эффектно. Мегрэ заявил невидимому следователю Анжело:

- Итак, я продемонстрирую вам мой метод... Комиссару казалось, что происходит нечто вроде репетиции. Само собой разумеется, он говорил о своем методе иронически, ведь в течение тридцати лет он неустанно повторял, что у него нет никакого метода. И все же! Он был не прочь объясниться с этим наглым чиновником, сама молодость которого была оскорбительна.

Мегрэ снилось, что он находится на набережной де-ля-Гар, совершенно один, окруженный обветшалыми строениями, настолько призрачными, что он мог проходить сквозь стены. При этом все предметы обстановки были совершенно реальными, включая даже те детали, которые в состоянии бодрствования комиссар уже забыл.

- Так вот!.. Каждый вечер в течение долгих лет они сидели здесь... Действие происходило в гостиной, и Мегрэ сам подбрасывал уголь в чугунную печку, на раскаленной стенке которой краснела, как свежий шрам, трещина. Он сам разместил действующих лиц: двух стариков, вырезанных из дерева, Леонара, которого он должен был вообразить живым - он наделил его горькой усмешкой, - нетерпеливую Полет, ежеминутно встающую со своего места, перелистывающую страницу журналов, наконец заявляющую, что она идет спать, и ее мужа Армана, принимающего лекарства с утомленным видом.

- Понимаете, господин следователь, это и есть самое главное... Но ему никак не удавалось объяснить, что он считает самым главным.

- Понимаете, каждый вечер, в течение долгих лет... Жан-Поль уже спит... Все остальные сидят здесь в гостиной, и все, кроме Полет, думают об одном и том же. Леонар время от времени переглядывается с братом... В конце концов Леонар вынужден заговорить, потому что он старший, у Армана не хватает мужества... "Заговорить" - в этом сне означало просить денег у дочери Зюбера.

Фирма Ляшом разваливается, самая старинная кондитерская фабрика Парижа, крупное предприятие, ценное, как те картины, которые хранят в музеях, потому что нужны были поколения, чтобы их создать.

Некто обладал огромной кучей денег, грязных денег, настолько грязных, что этот "некто", то есть папаша Зюбер, был на седьмом небе от счастья, отдавая дочь за одного из Ляшомов, чтобы создать ей достойное общественное положение.

- Вам понятно?

Всю эту работу Мегрэ проделывал специально для невидимого Анжело. Трудная работа, "без сетки". Это походило на те сны, в которых летаешь без крыльев. Было так трудно удержать эти персонажи на месте, не дать им испариться, исчезнуть.

- Первыми уходят спать старики, затем Арман, для того чтобы оставить Полет вдвоем с Леонаром. Конечно, проще всего заставить ее сразу дать большую сумму, но она упорно не хочет этого делать, возможно, что ее отец, старый пройдоха Зюбер, перед смертью посоветовал ей выдавать им только маленькие суммы для оплаты счетов в конце месяца. Таким образом, просьбы денег непрерывно повторяются... Вначале Ляшомам приходилось лгать, уверять ее, что, если затратить несколько миллионов, фирма снова начнет процветать, а дом вновь станет комфортабельным и веселым, великолепной рамой для светских приемов, обедов, столь принятых в среде крупной буржуазии. Полег сначала поверила, потом перестала верить.

Каждый месяц повторялся один и тот же разговор с Леонаром.

- Сколько?

После чего каждый снова запирается в своей комнате, в одной из этих камер, и продолжает свою думу-Коридор... двери... Ванная комната в самом конце коридора, старомодная ванна с коричневыми пятнами на эмали от беспрерывно капающей из крана воды... Но Ляшомы к этому привыкли... Может быть, у Зюбера, несмотря на все его миллионы, вообще не было ванны?

- Вот все это вместе взятое, господин следователь, вы и должны сопоставить. Он повторил, отчеканивая каждый слог:

- Со-по-ста-вить!

...Леонар внизу в своем кабинете, Арман за письменным столом, напротив бухгалтера; бисквиты, которые упаковывают на складе, и смехотворно маленькая струйка дыма, выходящая из высокой фабричной трубы, подражающей настоящим огромным заводским трубам... Полет в своей машине... День и вечер накануне убийства. Бакалейщица в своей лавке... Было воскресенье, но предыдущий день также был праздничным, а мелкие торговцы в округе не любят закрывать магазины два дня подряд. Красный спортивный "панхард", стоящий в шесть часов на углу, и в нем двуличный Сенваль в плаще, Леонар, следящий за ними из голубого "понтиака"... Пале-Руаяль... Ресторан... Надо было бы, как на некоторых фотографиях, монтировать снимки, показать агентов Иври, инспекторов Жанвье, Люка, всех тех, кто расспрашивал людей. Показать баржу в Корбэй, другую баржу на канале Сен-Мартэн и доктора Поля, помещающего кусочки ткани в пробирки; лаборантов, измеряющих, анализирующих, рассматривающих эти препараты в лупу и под микроскопом... Мегрэ иронически улыбнулся. Но при всем этом необходимо... Из скромности он не уточнял, что было необходимо, продолжая проходить через стены из одной комнаты в

другую... Когда мадам Мегрэ утром разбудила его, он был измучен, как после ночи, проведенной в поезде, и его затылок снова болезненно ныл.

- Сегодня ты всю ночь разговаривал во сне.

- Что я говорил?

- Я не поняла. Ты путал слова... Больше она ничего не сказала. Он завтракал молча, с видом человека, забывшего, что он дома и что жена сидит напротив него.

Жак Сенваль накануне вечером был крайне удивлен, что его оставили на свободе, предупредив только, чтобы он не покидал Париж.

Придя домой, комиссар позвонил Лапуэнту, который всю эту неделю работал в ночную смену, и попросил его навести некоторые справки и составить досье.

Дождь перестал, но небо от этого не стало светлее или веселее, и люди в автобусе были в дурном настроении.

Мегрэ Сегодня просил разбудить его раньше обычного, и, когда он приехал на работу, кабинеты на набережной Орфевр были еще пусты.

Прежде всего он увидел на письменном столе послания следователя Анжело, настоятельно требующего, чтобы комиссар позвонил ему немедленно, рано утром, что, по понятиям чиновников из суда, означало девять часов утра.

Значит, у него оставалось еще время, и он начал изучать статистические данные, которые Лапуэнт положил ему на стол перед тем, как сдать дежурство. Он не делал заметок, ограничился записью некоторых цифр, удовлетворенно улыбаясь от сознания, что не ошибся в своих предположениях.

Затем он склонился над планом дома в Иври, составленным оперативным отделом. К плану был приложен подробный доклад, так как эти специалисты никогда не пренебрегали самой мелкой деталью. Например, были указаны даже такие вещи, как старое колесо от детского велосипеда, ржавое, исковерканное, которое было найдено в одном из закоулков двора.

Было ли это колесо от велосипеда Жан-Поля или от другого велосипеда, некогда принадлежавшего Арману, а может быть, даже самому Леонару? Или кто-нибудь из соседей, желая от него избавиться, перебросил это колесо через забор, вместо того чтобы выбросить в Сену?

Эта деталь была очень показательной, и было еще много других, слишком много, чтобы их запомнить.

Больше всего времени он потратил на изучение списка вещей, находящихся в комнате Леонара.

Восемь белых рубашек, из них шесть очень изношенных, с заштопанными воротничками и манжетами, шесть пар заштопанных кальсон... Десять пар бумажных носков и четыре пары шерстяных... Пять полосатых пижам... Все было обозначено: количество носовых платков, состояние гребней, - щетки для волос и щетки для чистки одежды с чертежами, указывающими место каждого предмета.

Точно так же, как ночью во сне, Мегрэ старался мысленно представить комнату и предметы, указанные в списке.

...Каминные часы из черного мрамора и бронзы с давно испорченным Механизмом. Два трехсвечных канделябра из мрамора и бронзы... Плетеная корзина под письменным столом, и в ней скомканная газета... Гаечный ключ тридцати шести сантиметров, из тех, которыми обычно пользуются водопроводчики... Описание постели было не менее точным. На одной из простынь тонкого полотна, почти новой, была вышита метка "П" величиной в четыре сантиметра... Мегрэ расставил два пальца, пытаясь представить себе размеры вышитой буквы, вздохнул и, продолжая читать, снял телефонную трубку.

- Соедините меня с метром Раделем... Да, с адвокатом... Нет, я не знаю его номера... Несколько минут спустя его соединили.

- Алло! Говорит Мегрэ... Я хочу, чтобы вы задали два вопроса вашим клиентам, что избавит меня от необходимости снова посещать набережную де-ля-Гар и вызывать туда вас... Алло! Вы слушаете?

- Да. Слушаю.

Адвокат был, по-видимому, удивлен тоном Мегрэ.

- Прежде всего, по поводу английского гаечного ключа... Гаечный ключ тридцати шести сантиметров... Он находится в комнате Леонара Ляшом, которая опечатана... Я хочу знать, почему он там... Как?... Да... Возможно, по весьма простой причине, но я хотел бы ее знать... Второй вопрос. Сколько простыней имеется в доме?... Ну да... Прошу меня извинить... Это весьма прозаично, вы правы... Еще минутку... Спросите, все ли простыни помечены буквой "П", или же узнайте, кто пользовался теми, на которых вышита эта метка... Сколько у них помеченных простыней, сколько без меток или же с другой меткой. Что?... Да, это все... или... еще один вопрос... Я предвижу, что вы попытаетесь снова укрыться за профессиональной тайной... С каких пор вы являетесь адвокатом Ляшомов?

На том конце провода воцарилось молчание. Метр Радель колебался. Накануне Мегрэ был удивлен, встретив такого молодого, никому не известного адвоката в доме, где он ожидал увидеть опытного судейского.

- Как вы сказали?... Всего неделю?... Могу ли я вас наконец спросить, чьим именно адвокатом вы являетесь?... Кто-то же неделю назад вас пригласил или приехал к вам лично?..

Он выслушал ответ, пожал плечами и, когда голос наконец умолк, повесил трубку. Как он и предполагал, Радель отказался ответить на этот вопрос.

Мегрэ протянул руку за одной из своих трубок, когда зазвонил телефон. Это был следователь Анжело, появившийся в своем кабинете гораздо раньше девяти часов.

- Комиссар Мегрэ?

- Да, господин следователь.

- Вы нашли мои телефонограммы?

- Конечно. Я прочел их с большим вниманием.

- Мне бы хотелось вас видеть как можно скорее.

- Я знаю. Жду только телефонного звонка. Надеюсь, через несколько минут мне позвонят, и тогда я сразу приду к вам.

Он действительно ждал, ничего не делая, стоял у окна и курил трубку. Звонок раздался через несколько минут. Радель быстро справился.

- Я сначала осведомился о гаечном ключе... Старая Катрин о нем ясно помнит... Около двух недель назад Леонар Ляшом почувствовал у себя в комнате запах газа... Теперь газом пользуются только на кухне, но в прежние времена все комнаты освещались газом, и аппаратура осталась. Газопроводы закрепили болтами. Поэтому Леонар принес из мастерской гаечный ключ. Он просто забыл отнести его обратно, и с тех пор ключ валялся в углу его комнаты.

- А простыни?

- Я не мог выяснить абсолютно точное число, так как часть их находится в стирке... Простыни помечены разными метками... Самые старые, очень изношенные, помечены инициалами "НФ" и существуют со свадьбы стариков... В то время женщина, выходя замуж, приносила в дом такое количество постельного белья, чтобы его хватило на всю жизнь... Они сделаны из плотного голландского полотна, и их осталось всего несколько штук... Имеются также простыни с меткой "МЛ", принадлежавшие покойной жене Леонара. Мне сказали, что их две дюжины... Одна из этих

простыней сожжена утюгом... Двенадцать почти новых, бумажных простыней без меток. И наконец, две дюжины простыней, принадлежащих Полет Ляшом.

- Они помечены буквой "П"?

- Да.

- Я полагаю, что обычно ими пользуется она одна?

- Я не мог себе позволить настаивать на таких деталях. Мне только сказали, что это ее личные простыни.

- Благодарю вас.

- Разрешите вас спросить... - Нет, метр. Я еще ничего не знаю... Извините. Не взяв с собой никаких бумаг, он открыл дверь в комнату инспекторов, куда только что пришел Люка.

- Если меня будут спрашивать, скажите, что я у следователя.

У него был ключ от застекленной двери, которая соединяла Управление криминальной полиции с Дворцом правосудия и которую стали тщательно запирасть с тех пор, как один арестованный воспользовался этой Дверью для побега.

Как всегда, он увидел много знакомых лиц среди посетителей, ожидавших на скамейках, некоторые из них сидели между двумя жандармами. Так он увидел Каноника, приведенного на допрос к следователю. Он молча показал Мегрэ свои наручники, пожав плечами, как бы говоря: "Вот как они здесь со мной обращаются!"

Действительно, это был совершенно иной мир, в котором царил запах бумаг и чиновничества.

Он постучался в дверь кабинета Анжело и, войдя, увидел молодого следователя, сидящего за столом, тщательно выбритого и распространяющего вокруг себя легкий аромат лаванды. Его секретарь, находившийся здесь же, вряд ли был намного старше.

- Садитесь, господин комиссар. Я был вчера весьма удивлен тем, что всю вторую половину дня и вечера не имел от вас никаких сведений. Должен ли я из этого заключить, что вы ничего еще не нашли, что вы не сделали никаких открытий, способных заинтересовать меня?

Секретарь сидел с карандашом в руке с видом человека, приготовившегося вести протокол, но, к счастью, он ничего не записывал.

- Вы заезжали еще раз на набережную де-ля-Гар?

- Лично я нет.

- Следовательно, вы больше не видели ни одного из членов семьи или служащих?

- Нет.

- Я полагаю, однако, что вы и ваши сотрудники все же занимались этим делом? Я, со своей стороны, много размышлял о нем и признаюсь, что, несмотря на незначительность этой кражи, я склоняюсь к гипотезе ограбления.

Мегрэ молчал, вспоминая сегодняшний сон, столь непохожий на действительность. Имело ли смысл трудиться и доказывать, пытаться объяснить этому чиновнику, что... Он ждал конкретных вопросов.

- Что вы об этом думаете? - наконец спросил следователь.

- О чем? Об ограблении?

- Да.

- Я разыскал для вас некоторые данные. Знаете ли вы, сколько за десять лет произошло в Париже ночных ограблений в квартирах или в особняках в то время, как хозяева были дома?

Следователь удивленно взглянул на него, явно заинтересованный.

- Тридцать два, - продолжал Мегрэ ровным голосом. - Получается немного более трех ограблений в год. К тому же дюжину из них надо отнести за счет одного, своего рода артиста или

маньяка, арестованного нами три года тому назад. Он до сих пор сидит в тюрьме - парень двадцати пяти лет, который жил у своей сестры, не имея ни друзей, ни любовницы, - им владела только одна страсть - совершать самые дерзкие и трудные ограбления, как, например, забраться в комнату спящей пары и, не разбудив их, забрать драгоценности. Конечно, он не был вооружен.

- Почему вы сказали "конечно"?

- Потому что профессиональные квартирные воры никогда не бывают вооружены. Они на собственном опыте изучили уголовный кодекс и не хотят рисковать.

- И несмотря на это, почти каждую неделю... - Почти каждую неделю читаешь в газетах, что была убита какая-то старуха, владелица табачной или галантерейной лавчонки, а то и хозяин бакалейного магазина в предместьях или в городе... В действительности же причиной этого является не ограбление... Авторами подобных преступлений бывают молодые проходимцы, умственно недоразвитые, подчас даже слабоумные... Я хотел также установить, сколько за десять лет произошло настоящих ограблений с убийством... Всего три, господин следователь... Одно при помощи гаечного ключа, который находился у грабителя в кармане, второе - кочергой, которую грабитель схватил, когда его пытались задержать, наконец, третье - огнестрельным оружием, оставшимся со времен войны... Он повторил:

- Одно-единственное!.. И это не был автоматический пистолет калибра 6,35... Я не верю, чтобы во всем Париже можно было найти профессионального вора или проходимца, способного использовать, один из тех револьверов, которые порядочные люди хранят в ящиках своего ночного столика, а ревнивые женщины носят в сумках.

- Если я вас правильно, понял, вы не принимаете версию ограбления?

- Нет.

- Даже, например, кем-нибудь из персонала или бывшим работником фабрики?

- Один из бельгийцев, хозяин баржи, которого мои ребята опросили, видел в тот вечер, как со стороны двора неизвестный, взобравшийся на лестницу, разбивал бутылочное стекло, вмазанное в край стены:

- Вечером или после двух часов ночи?

- Вечером, около десяти часов.

- Иначе говоря, за четыре часа до преступления?

- Да, за четыре часа до преступления.

- Если это действительно так, то каковы ваши выводы?

- Пока нет никаких. Вы же просили меня проинформировать вас.

- Вы сделали еще какие-нибудь открытия?

- У Полет Ляшом есть любовник.

- Она сама вам сказала? Я понял, что вы... - Я ее не видел. Она мне ничего не говорила. Ее золовка невольно навела меня на след... - Какая золовка?

- Вероника Ляшом.

- Где вы ее разыскали?

- У нее дома, на улице Франсуа. Она работает барменшей в ночном кабаре "Амазонка" на улице Марбеф. Ее любовник, за которого она собиралась выйти в ближайшее время замуж, является также любовником Полет... - Он в этом сознался?

- Да.

- Что он за человек?

- Один из тех типов, которых в таком количестве встречаешь в окрестностях Елисейских полей... Рекламный агент по профессии. Весь в долгах. Вначале он собирался жениться на

Веронике, у которой собственная квартира плюс некоторые сбережения... Когда он услышал рассказ о золовке и ее миллионах, он познакомился с ней, стал ее любовником... Еще позавчера вечером они обедали вместе, а затем он отвез ее в квартиру на острове Сан-Луи, которую ему для этой цели предоставил один из его английских друзей... Мегрэ нарочно, с насмешливым удовлетворением беспорядочно нагромождал все эти факты, которые следователь мысленно пытался привести в порядок.

- Вы оставили его на набережной Орфевр?

- Я его туда даже не возил.

- К чему эти факты нас приведут?

- Не знаю. Если отбросить версию ограбления и если доверять показаниям хозяина баржи, нужно признать, что убийство было совершено кем-то из домашних. Работники оперативного отдела нашли в комнате Леонара Ляшома гаечный ключ длиной тридцать шесть сантиметров.

- Нам известно, что убийца воспользовался автоматическим пистолетом.

- Знаю. Этот гаечный ключ весит два килограмма. Согласно показаниям служанки Катрин он уже две недели находился в комнате Леонара, с того самого времени, как Леонар им закреплял болт газовой трубы.

- Какие у вас еще имеются сведения?

Следователя раздражала ироническая невозмутимость Мегрэ. Даже секретарю, смущенно опустившему голову, было ясно, что комиссар сознательно избрал такую манеру поведения, явно недружелюбную, хотя ее нельзя было назвать враждебной или агрессивной.

- Вряд ли это можно назвать сведениями... Например, я только что получил точные данные о количестве простыней, имеющихся в доме... - Постельных простыней?

- Одна-единственная простыня в комнате Леонара испачкана кровью... На ней метка "П", и она принадлежит Полет... - Это все?

- Позавчера Полет вышла из дома около шести часов вечера, чтобы встретиться с любовником, который ожидал ее в красной машине, недалеко, на набережной, против бакалейной лавки. В то же самое время Леонар Ляшом выехал из дома в голубой машине марки "понтрак", принадлежащей его невестке... Влюбленная пара направилась в ресторан в Пале-Руаяле под названием "У Марселя". Леонар вернулся домой в девять часов... Часом позже неизвестный, взобравшись на лестницу во дворе, каким-то тяжелым предметом, вероятно молотком, начал разбивать осколки стекла, вмазанные в край стены. Полет после посещения квартиры англичанина на набережной Бурбонов вернулась домой в такси... - А почему не в машине своего любовника?

- Потому что она боялась, что ее заметят.

- Это она сама вам сказала?

- Ее любовник мне это сказал. В коридоре она встретила Леонара, который был в халате... Лицо Мегрэ вдруг застыло, и в течение какого-то времени у него был совершенно отсутствующий вид.

- О чем вы думаете?

- Я еще не знаю. Необходимо проверить.

Все это абсолютно не походило на его сон, в котором он так блестяще демонстрировал перед невидимым следователем свой метод. И они не были на набережной де-ля-Гар. Не хватало атмосферы того дома, его обстановки, его прошлого и настоящего, явного и тайного.

И тем не менее он совершенно сознательно играл свою роль. С бедным Комельо, который так долго был его личным врагом, война шла в открытую, старая вражда, никем не объявленная, но вечно существующая, между прокуратурой и криминальной полицией.

Другие следователи предпочитали давать ему полную свободу действия и терпеливо дожидаться, пока он принесет им законченное досье, включая по возможности и признание виновного.

Но перед следователем Анжело он невольно играл роль, создавая образ Мегрэ, такого Мегрэ, каким его многие себе представляли.

Он был недоволен собой, но это было сильнее его самого. Два поколения стояли лицом к лицу, и он ничего не имел против того, чтобы доказать этому молокососу... - Каково ваше заключение?..

- Я не делал заключения, господин следователь.

- Если дело идет, как вы, по-видимому, утверждаете, об одном из членов семьи... - Семьи или домочадцев?

- Значит, вы включаете в число подозреваемых и эту старую горбатую служанку?

- Я никого не исключаю. Я не буду вам снова цитировать статистические данные. Три месяца тому назад один человек убил своего соседа как раз из автоматического пистолета калибра 6,35, потому что этот сосед упорно продолжал включать радио на полную мощность.

- Я не вижу связи.

- На первый взгляд это убийство казалось идиотским, необъяснимым. Но при дальнейшем рассмотрении убийца оказался инвалидом войны, перенесшим две трепанации черепа, тяжело страдающим, целыми днями прикованным к своему креслу. Он жил только на пенсию. Убитый - портной иностранного происхождения, у которого были неприятности после освобождения, правда, ему удалось выйти сухим из воды....

- Я все же не вижу... - Я хочу сказать... что то, что на первый взгляд кажется смехотворной мелочью - немножко больше или немножко меньше музыки! - становится, если в это вдуматься, для инвалида войны жизненно важным вопросом... Иначе говоря, если принять во внимание все обстоятельства, преступление было вполне объяснимо, почти неизбежно.

- Я не вижу никакого сходства с ситуацией на набережной де-ля-Гар.

- Тем не менее это сходство должно существовать, по крайней мере для того, кто убил Леонара Ляшоме. За исключением довольно редких патологических случаев, человек убивает только по причинам совершенно точным и непреодолимым.

- И вы нашли подобную причину в случае, которым мы сейчас занимаемся?

- Я нашел, и не одну.

Но комиссар внезапно почувствовал, что он не может больше играть роль, которую ему навязали.

- Прошу прощения... - пробормотал он.

Это было искренним.

- За что?

- За все. Неважно. Пока я с вами говорил, мне пришла в голову одна мысль. Если вы разрешите мне позвонить по телефону, может быть, что-нибудь и прояснится.

Следователь подвинул к нему телефон.

- Соедините меня, пожалуйста, с оперативным отделом... Алло!.. Да... Алло! Кто у телефона? Это - вы. Мэре? Говорит Мегрэ... Я получил ваш рапорт. Да... Но я звоню вам не из-за этого, а по поводу описи... Надеюсь, что вы ничего не пропустили?.. Что?.. Я знаю... Я не сомневаюсь в тщательности, с какой она была составлена... Я только хочу убедиться в том, что ничего не пропущено... Тот, кто перепечатывал ее на машинке, мог пропустить строку... Оригинал у вас под рукой?.. Возьмите его... Хорошо... Теперь поглядите, указан ли там халат, да... мужской... вот именно. Я жду у телефона... Он слышал, как Мэре вполголоса читает опись.

- Нет. Здесь не указан никакой халат. Кроме того, я сам выезжал на место и его не видел... -
Благодарю, старина.

Следователь и комиссар молча взглянули друг на друга. Наконец Мегрэ неуверенно пробормотал:

- Возможно, на данном этапе допрос мог бы нам дать что-нибудь новое?

- Допрос кого?

- Вот об этом-то я сейчас и думаю..

Обычно, решая такой вопрос, Мегрэ искал точку наименьшего сопротивления, как он это называл. Сегодня к этому примешивалась его личная заинтересованность.

Он был уверен, что следователь Анжело потребует, чтобы допрос происходил в его кабинете. Возможно даже, что он сам захочет вести его.

Мегрэ стеснялся вызывать для допроса старого Ляшома, который так походил на портреты своих предков, висящих в кабинете первого этажа. Его пришлось бы разлучить с парализованной женой, которую невозможно привезти сюда. Он даже не был убежден в том, что старый Ляшом находился в здравом уме и памяти; Его взгляд был устремлен внутрь, и Мегрэ подозревал, что он живет только своими воспоминаниями.

Что касается старой служанки Катрин, то она, конечно, станет вести себя вызывающе, потому что эта женщина мыслила прямолинейно и никогда ни с чем не соглашалась. Она, несмотря на очевидность, будет все отрицать, пренебрегая логикой. К тому же придется смотреть на ее сгорбленную фигуру, слушать ее визгливый голос.

Он не имел возможности увидеть Жан-Поля, так как его поспешили запрятать в интернат колледжа.

Мальчуган мог бы невольно дать ценные сведения, но комиссар заранее знал, что следователь не пожелает допрашивать ребенка, отец которого умер два дня тому назад.

Оставались Арман и Полет.

Армана не стоило вызывать из-за эпилепсии. Не устроит ли он им припадок, настоящий или мнимый, когда почувствует себя в тупике?

- Я думаю, что лучше всего вызвать и допросить Полет Ляшом, - сказал он наконец со вздохом.

- У вас имеются к ней обоснованные вопросы?

- Да, несколько. Остальные возникнут из ее ответов.

- Вы желаете, чтобы я предупредил ее адвоката?

Конечно, Радель будет присутствовать. С этим Анжело все формальности будут соблюдены. Не без грусти Мегрэ вспомнил свой кабинет, свои привычки, свои маленькие странности, включая обычай в определенный момент заказывать по телефону сэндвичи с пивом или кофе или же уходить из кабинета, посадив вместо себя одного из инспекторов, который с невинным видом Начинал весь допрос сначала.

Наступит день, и, возможно, очень скоро, когда все это отойдет в прошлое, и дело Мегрэ будет целиком передано в руки всех этих Анжело, прекрасно воспитанных и снабженных бесчисленными дипломами.

- Я уже звонил ему сегодня утром, - признался комиссар. Следователь нахмурился.

- По поводу этого допроса?

Он был готов защищать свои прерогативы.

- Нет, для того чтобы получить у него те сведения, которые я вам уже сообщил, о гаечном ключе и простынях. Не желая беспокоить семейство Ляшомов, я предпочел обратиться к нему.

- Алло!.. Соедините меня, пожалуйста, с адвокатом Раделем... Да, Аидрэ Раделем... Алло... Это ты, Аидрэ?"

Накануне, на набережной де-ля-Гар, Мегрэ не заметил, что эти двое называли друг друга по имени.

- Скажи-ка... у меня в кабинете комиссар Мегрэ... Следствие дошло до момента, когда необходимо приступить к некоторым допросам. Конечно, у меня. Да, само собой разумеется. Нет! Я не собираюсь беспокоить стариков... И его тоже... Во всяком случае, не сегодня... Что?.. А что говорит врач? А!.. Полет Ляшом, да... желательно утром... Договорились. Жду твоего звонка.

Положив трубку, он счел нужным объяснить.

- Мы вместе учились на юридическом. Он сообщил мне, что Арман Ляшом заболел... Вчера вечером у него был довольно сильный приступ эпилепсии... Вызвали врача, сегодня утром он снова находится у больного... - А Полет?

- Радель мне позвонит. Он надеется привезти ее ко мне часам к двенадцати.

Следователь замялся, смущенно покашливая и играя ножом для разрезания бумаги.

- Я считаю более правильным на том этапе, на котором мы находимся, чтобы я сам вел допрос, а вы можете вмешаться в случае необходимости... Я полагаю, что у вас нет возражений.

У Мегрэ их была целая тысяча, но к чему говорить об этом?

- Как хотите.

- Кроме того, я считаю вполне целесообразным, чтобы вы до их прихода указали мне в письменной форме те пункты, на которых я, по вашему мнению, должен настаивать.

Мегрэ молча кивнул головой.

- Всего несколько слов на клочке бумаги. Конечно, это не должно носить официального характера.

- Само собой разумеется.

- Вы получили? сведения о покойной жене Леонара Ляшома?

- Она служила для той же цели, что и девица Полет Зюбер.

- То есть?

- Для того чтобы поддерживать жизнь, если можно назвать это жизнью, в доме на набережной и на фабрике. Ее отец был подрядчиком, сколотившим состояние на общественных строительных работах. Как видите, происхождение такое же, как и у Полет. Ее приданым также затыкали все дыры.

- А наследство?

- Наследства не было, так как отец еще жив и не собирается умирать.

Сначала Леонар, а затем Арман.

Не было ли трогательным это упорное желание сохранить жизнь старой фирмы, которая согласно всем законам экономики давным-давно должна была обанкротиться?

Не было ли здесь внутренней аналогии с поступком инвалида войны, убившего своего соседа, который мучил его с утра до вечера, включая радио на полную мощность?

Не случайно Мегрэ упомянул об этом происшествии. Конечно, он играл роль перед следователем, но в глубине души он оставался честным с самим собой.

- Алло, да... Что она сказала?.. Как ты думаешь, сколько времени это займет?... В половине двенадцатого?.. Хорошо... Да нет же! Я уже сказал, у меня в кабинете... Несомненно, Радель сильно боится, что допрос будет происходить в кабинете Мегрэ. Анжело успокоил его, как бы говоря: "У меня в кабинете все будет происходить по форме".

Комиссар поднялся, вздохнув:

- Я буду у вас немного раньше половины двенадцатого.

- Не забудьте записать вопросы, которые... - Не забуду... Сидя на скамье между двумя жандармами, бедный Каноник все еще смиренно ожидал, когда соблаговолит принять "его" следователь. Проходя мимо, Мегрэ встретился с ним взглядом и, войдя к себе в кабинет, изо всех сил хлопнул дверью.

Глава 8

Тяжело опершись о письменный стол, поддерживая голову левой рукой, он медленно писал, попыхивая трубкой, потом надолго останавливался, устремив пристальный взгляд на мутный прямоугольник окна.

Так же как накануне экзаменов, в те далекие времена, когда он два года учился на медицинском факультете, он перечитал все материалы, включая пресловутый инвентарный список, от которого его уже начинало тошнить.

Однако он скорее мог сравнить себя не со студентом, а с боксером, который через несколько минут должен, выйдя на ринг, поставить на карту свою репутацию, свою карьеру, вызвать бурные аплодисменты или свистки.

Сравнение, конечно, было не, совсем точным. Следователь Анжело не имел никакого влияния на его карьеру, которая во всех случаях в ближайшее время закончится отставкой. Журналисты, со своей стороны, никогда не узнают о том, что произойдет за закрытой дверью кабинета Дворца правосудия.

Значит, и овации отпадают!

Мегрэ рисковал только неодобрением начальства и в будущем - ироническими и сочувственными взглядами некоторых молодых чиновников, которым Анжело не замедлит рассказать эту историю.

- Кстати, о Мегрэ и о его знаменитом "чутье" вам уже рассказывали?..

Вернувшись в кабинет, он позвал Люка, чтобы дать ему новое распоряжение, и в настоящее время весь наличный состав инспекторов, как говорится, "работал ногами" в окрестностях Пале-Руаяля, расспрашивая коммерсантов, продавцов газет, бегая по домам и учреждениям тех посетителей ресторана, которые в воскресенье вечером обедали на первом этаже "У Марсея" и могли что-нибудь увидеть из окна.

А выясняли они только одну маленькую деталь, которая в последнюю минуту могла стать очень важной и даже иметь решающее значение.

Мегрэ написал свои вопросы, а затем переписал их, считая свой почерк неразборчивым.

В одиннадцать часов десять минут не без некоторого колебания он положил бумагу в конверт, заклеил его и послал во Дворец правосудия.

Это был элегантный жест с его стороны. Таким образом, он давал следователю Анжело возможность подготовиться к допросу, тогда как сам он открывал все свои карты.

Впрочем, им руководило не великодушие, а желание избежать нового разговора с чиновником.

- Если мне позвонят, скажите, что меня нет, конечно, если это не кто-нибудь из наших инспекторов... До прихода Полет на допрос он не будет говорить со следователем даже по телефону. И теперь он кружил по кабинету, останавливаясь на мгновение у окна, чтобы взглянуть на свинцово-серую Сену и черных муравьев, то карабкавшихся на мост Сен-Мишель, то пробиравшихся между автобусами.

Время от времени он закрывал глаза, чтобы лучше вспомнить дом на набережной де-ля-Гар, иногда бормоча какие-то слова.

Одиннадцать часов двадцать минут... двадцать три..., двадцать пять... - Я иду туда, Люка. Если будут какие-нибудь новости, немедленно предупредите, требуйте меня лично к телефону.

В то время как массивная фигура комиссара удалялась по коридору, губы Люка зашевелились, и по их очертанию можно было угадать слово, которое он не произнес... Еще издали Мегрэ заметил адвоката Раделя, сопровождавшего Полет Ляшом, одетую в бобровую шубку и шапочку из того же меха. Все трое почти одновременно вошли в кабинет, что вызвало явное недовольство следователя. Неужели он вообразил, что Мегрэ обманул его и уже поговорил с молодой женщиной и ее адвокатом?

Радель невольно успокоил его:

- Вот как! Вы шли за нами?

- Я прошел через маленькую дверь. Следователь поднялся, но не сделал ни шага навстречу посетительнице.

- Простите меня, мадам, за то, что я пригласил вас сюда. У нее было утомленное лицо, на котором отражались растерянность и смущение. Она пробормотала, машинально оглядываясь в поисках стула:

- Пожалуйста... - Прошу вас, садитесь. И вы также, метр Радель. Они больше не обращались друг к другу на "ты", и казалось, что между этими двумя мужчинами никогда не было иных отношений, кроме строго официальных.

- Я полагаю, мадам, что вы знакомы с комиссаром Мегрэ... - Да, мы уже встречались на набережной де-ля-Гар.

Он обождал, пока Мегрэ тоже не занял место около двери, немного в стороне. Церемония усаживания заняла много времени. Следователь, сев на свое место и убедившись, что секретарь приготовился вести стенограмму допроса, откашлялся.

Теперь наступила его очередь почувствовать себя не в своей тарелке, на этот раз они переменились ролями: он выступал в главной роли, а Мегрэ стал простым зрителем, свидетелем происходящего.

- Некоторые из моих, вопросов, метр Радель, могут показаться вам, так же как и вашей клиентке, несколько странными... Но я считаю, что она должна на них ответить с полной искренностью, даже если они касаются ее личной жизни... Только взглянув на нее, Мегрэ сразу понял, что она ждала этих слов. Значит, она не будет застигнута врасплох. Должно быть, Радель предупредил ее, что полиция напала на след ее связи с Сенвалем.

- Первый из этих вопросов, господин адвокат, касается также и вас, но я настаиваю, чтобы на него отвечала сама мадам Ляшом... Какого числа, мадам, у вас появилась необходимость пригласить адвоката?..

Радель был уже готов запротестовать. Взгляд товарища заставил его остановиться, и он обернулся к своей клиентке, которая, одновременно повернувшись к нему, робко пробормотала:

- Я должна отвечать?

- Да, так будет лучше.

- Три недели тому назад.

Взглянув на письменный стол, на котором следователь нарочно разложил большое количество бумаг, включая копии отчетов, анализов и инвентарных списков, Мегрэ заметил, что вместо его записки чиновник читает вопросы по большому листу бумаги, на который он их сам переписал.

Отныне Анжело всегда будет взглядывать на своего секретаря, проверяя, успел ли тот записать последнюю фразу.

Атмосфера оставалась нейтрально-официальной, и в воздухе пока не ощущалось ни малейшего волнения.

- После смерти вашего отца вопросами наследства занимался его постоянный нотариус метр Вюрмстер, не так ли? И его помощником в этом деле был постоянный адвокат вашего отца метр Тобиас.

Она подтвердила кивком головы, но следователь настаивал, чтобы она ответила.

- Да.

- Каковы были причины, по которым вы три недели тому назад не обратились к адвокату вашего отца, то есть к месье Тобиасу, а адресовались к другому члену адвокатуры?

Радель вмешался:

- Я не вижу связи между данным вопросом и событиями, которые произошли на набережной де-ля-Гар.

- Вы сейчас в этом сами убедитесь, господин адвокат. Прошу вашу клиентку сообразовывать мне ответить. И Полет Ляшом ответила еле внятно:

- Мне кажется, что причина была.

- Вы хотите сказать, что у вас были основания сменить адвоката?

- Да.

- Вы, по-видимому, хотели обратиться к специалисту? Радель снова попытался протестовать, но следователь опередил его.

- Под специалистом я подразумеваю адвоката, особо известного своими успехами в определенной области... - Возможно.

- В данном случае не по вопросу ли о возможном разводе вы хотели проконсультироваться с метром Раделем?

- Да.

- Ваш супруг в тот момент был в курсе дела?

- Я ему об этом не говорила.

- Мог ли он подозревать о ваших намерениях?

- Не думаю.

- А ваш шурин?

- Тоже не думаю. Во всяком случае, не тогда.

- Давали ли вы деньги на последние платежи по счетам фирмы в конце прошлого месяца?

- Да.

- Вы подписали без возражений чек, о котором вас просили?

- Да. Я надеялась, что это будет последний. Я не хотела неприятностей.

- Все формальности для развода были подготовлены.

- Да.

- Когда в доме на набережной де-ля-Гар могли узнать о ваших намерениях?

- Не знаю.

- Но это подозрение существовало, по крайней мере в последнее время?

- Думаю, что да.

- Что заставляет вас так думать?

- Одно из писем месье Раделя не дошло до меня.

- Сколько прошло времени с того момента, как это письмо пропало?

- Неделя.

- Кто получает и вскрывает почту?

- Мой шурин.

- Следовательно, имелись все основания к тому, чтобы Лео-нар Ляшом перехватил письмо адвоката Раделя. Сложилось ли у вас впечатление, что с этого времени что-то изменилось в отношении Ляшомов к вам?

Она явно заколебалась.

- Я в этом не уверена.

- Но у вас все-таки сложилось такое впечатление?

- Мне показалось, что муж стал избегать меня. Однажды вечером, когда я вернулась... - Когда это было?

- В прошлую пятницу... - Продолжайте. Вы говорили, что в прошлую пятницу, вернувшись... в котором часу это было?

- В-семь часов вечера.. Я ездила за покупками... Я застала всех в гостиной...

- Включая старую Катрин?

- Нет.

- Следовательно, там находились родители вашего мужа, Леокар и ваш муж... А Жан-Поль там тоже был?

- Я его не видела. Я думаю, что он был в своей комнате.

- Что произошло, когда вы вошли?

- Ничего. Обычно я возвращалась гораздо позже. Они сразу замолчали, когда я вошла. По-видимому, они меня не ждали. Я почувствовала, что все смутились. В этот вечер моя свекровь не обедала вместе со всеми, а поднялась сразу к себе.

- До самых последних дней, если я не ошибаюсь, Жан-Поль занимал бывшую спальню своей матери, которая находилась на втором этаже, рядом с комнатой его отца... Когда его перевели на третий этаж в комнату рядом со стариками?

- Неделю тому назад.

- Сам мальчик просил, чтобы его перевели?

- Нет. Он не хотел.

- Эта идея принадлежала вашему шурину?

- Он хотел отремонтировать комнату Жан-Поля и устроить там свой кабинет, чтобы работать в нем по вечерам.

- Ему случалось работать по вечерам?

- Нет.

- А вы как к этому отнеслись?

- Меня это встревожило.

- Почему?

Она взглянула на своего адвоката.

Тот нервно закурил сигарету... Мегрэ, неподвижно сидевший в своем углу, с удовольствием бы раскурил трубку, которую он, заранее забив табаком, держал в кармане, но не решался.

- Не знаю. Я боялась... - Боялись? Чего?

- Ничего определенного... Я хотела, чтобы все произошло без шума, без ссор, без слез, без упрасиваний... - Вы имеете в виду ваш развод?

- Да. Я знала, что для них это будет катастрофой... - Оттого, что со дня вашей свадьбы вам приходилось содержать весь дом? Это было именно так?

- Да. Кстати, я намеревалась оставить определенную сумму денег моему мужу. Я говорила об этом со своим адвокатом. Только я хотела уехать в тот день, когда Арман получит бумаги... - Жак Сенваль был в курсе дела?

При этом имени ее ресницы дрогнули, но она ничем больше не выдала своего удивления и только пробормотала:

- Конечно... Некоторое время следователь молчал, опустив голову и изучая свои заметки. Затем он не без торжественности задал следующий вопрос и, не удержавшись, взглянул на Мегрэ.

- В конечном счете, мадам Ляшом, ваш отъезд означал для всей семьи, так же как и для кондитерской фабрики, окончательное разорение?

- Я же вам уже сказала, что я оставила бы им деньги.

- Которых бы хватило надолго?

- Во всяком случае, на год.

Мегрэ вспомнил надпись, выгравированную на медной доске: "Фирма основана в 1817 году".

Почти сто пятьдесят лет тому назад. Что по сравнению с этим означал один год? В течение ста пятидесяти лет Ляшомы держались крепко и вдруг, потому что какая-то Полет встретила рекламного агента с большими аппетитами... - Вы составили завещание?

- Нет.

- Почему?

- Во-первых, потому, что у меня нет родных. А потом я собиралась снова выйти замуж, как только это станет возможным.

- Ваш брачный контракт предусматривает, что все состояние переходит последнему из оставшихся в живых супругов?

- Да.

- С каких пор вы стали бояться?

Радель попытался предостеречь ее, но уже было поздно, потому что она ответила сразу, не подозревая о надвигающейся опасности:

- Не знаю.. Уже несколько дней... - Чего вы боялись?

На этот раз она взволновалась, и все увидели, как судорожно сжались ее руки, а на лице появилось выражение отчаяния.

- Я не понимаю, какую цель вы преследуете. Почему вы допрашиваете меня, а не их?

Мегрэ счел необходимым поддержать смутившегося следователя ободряющим взглядом.

- Ваше решение развестись было окончательным?

- Да.

- И никакие просьбы Ляшомов не могли бы вас удержать?

- Нет, не могли. Я достаточно долго жертвовала собой... Наконец-то эти слова, сказанные женщиной, не были преувеличением. Сколько времени, выйдя замуж, она могла сохранять иллюзию относительно роли, которую она играла в буржуазном доме на набережной де-ля Гар?

Она не протестовала. Она сделала все, что было в ее силах, чтобы восстановить фирму, чтобы по крайней мере заткнуть дыры и помешать окончательному разорению.

- Вы любили вашего мужа?

- Мне так казалось первое время.

- У вас никогда не было интимных отношений с вашим шурином?

Следователь прочел этот вопрос еле внятно и явно злился на Мегрэ, что он заставил его задать.

Так как она колебалась, он добавил:

- Он никогда не пытался?..
- Однажды. Уже очень давно... - Через год, через два, через три после вашей свадьбы?
- Приблизительно через год, когда Арман и я стали жить в разных комнатах.
- Вы отклонили притязания Леонара?
- Да.

Молчание, которое наступило после этого, было тяжелым и гнетущим. Атмосфера незаметно изменилась, и чувствовалось; что теперь каждое слово имело значение, что все приблизились к той страшной правде, о которой еще никто не говорил.

- Кто пользовался простынями с вашей меткой? Она ответила слишком быстро, Радель даже не успел ее предупредить, что это ловушка.

- Конечно, я.
- И никто больше?
- По-моему, никто. Возможно, случайно мой муж.
- А ваш шурин?

Так как она молчала, он повторила - А ваш шурин?

- Обычно нет.
- В доме была достаточно простыней для всех членов семьи?
- Я, полагаю.
- Вы признались Жаку Сенвалю в том, что вы боитесь? Она ослабела, не знала, куда смотреть, и так сжала руки, что даже побелели суставы.
- Он хотел, чтобы я немедленно уехала из дома... - Почему вы этого не сделали?
- Я ждала, когда будут оформлены все документы для развода. Оставалось только два или три дня... - Иначе говоря, если бы не смерть вашего шурина, вы покинули бы дом сегодня или завтра? Она вздохнула.

- Приходило ли вам в голову в последнее, время, что могут попытаться помешать этому отъезду? Она обернулась к своему адвокату:

- Дайте мне сигарету... Анжело настаивал:
- ...помешать этому отъезду всеми средствами?
- Я больше ничего не знаю. Вы меня сбиваете.

Она закурила сигарету и положила зажигалку в сумочку.

- Разве Сенваль не советовал вам быть осторожной, в особенности после того, как было замечено, что Леонар Ляшом следит за вами?

Она быстро подняла голову.

- Откуда вы узнали?
- Когда он начал следить за вами?
- Позавчера.
- Не раньше?
- Я не уверена в этом. В прошлый четверг мне показалось, что я заметила его на набережной Бурбонов.

- Вы находились в этот момент в квартире друга Сенваля? Она сразу обернулась к Мегрэ и взглянула на него-с укоризной, как будто бы она точно знала, что все эти сведения шли от него.

- Леонар взял вашу машину?

- Я ему разрешала... - Вы увидели из окна, как он проехал мимо? - Он ехал очень медленно и разглядывал фасад дома... - И тогда Сенваль дал вам пистолет?

- Господин следователь... Радель, размахивая руками, вскочил с места.

- На том этапе, на котором мы находимся, я прошу разрешения удалиться для короткой беседы с моей клиенткой.

Взгляды Мегрэ и следователя встретились. Мегрэ кивнул в знак согласия, - С условием, что эта беседа будет действительно краткой.

Вы можете воспользоваться моим кабинетом. Анжело сделал знак своему секретарю. Трое мужчин вышли в коридор, где Мегрэ немедленно закурил трубку. Он стал прогуливаться вместе со следователем среди снующих взад и вперед людей, а секретарь уселся на скамейку около кабинета.

- Вы все еще считаете, месье Мегрэ, что в кабинете следователя нельзя добиться тех же результатов, но без всякого шума без повышения голоса, без театральных эффектов?

Какой смысл было ему напоминать, что он только произнес выученные наизусть вопросы, подготовленные комиссаром?

- Если события развивались так, как я начинаю предполагать Радель посоветует ей сказать правду... Это в его интересах Он должен был потребовать этого с самого начала... Если конечно, она уже призналась ему во всем... Предположите на минутку, что она отказалась отвечать на мои вопросы или была способна лгать. Как бы мы теперь выглядели?

Мегрэ дотронулся до его руки, потому что он заметил в самой глубине бесконечно длинного коридора робкую фигуру. Это был Арман Ляшом, явно заблудившийся в лабиринте Дворца правосудия, читающий надписи на дверях кабинетов.

- Вы его заметили? Будет лучше, если мы вернемся в кабинет, прежде чем... Ляшом еще не успел увидеть их, и следователь, предварительно постучав в собственную дверь, вошел в кабинет вместе с комиссаром и секретарем.

- Прошу прощения. Непредвиденные обстоятельства заставили меня... Полет Ляшом снова села. Она была бледнее, но гораздо спокойнее, чем раньше, и, казалось, чувствовала какое-то облегчение. У Раделя был вид адвоката, который собирается произнести защитительную речь. В тот момент, когда он уже открыл рот, зазвонил телефон, следователь снял трубку, послушал и затем подвинул аппарат комиссару.

- Вас вызывают.

- Мегрэ слушает. Да... Два человека видели машину?.. Хорошо!. Описание совпадает?.. Спасибо. Нет... До скорого... Он положил трубку и сказал ровным голосом:

- Леонар Ляшом позавчера вечером находился у ресторана Пале-Руаяль.

Адвокат Радель пожал плечами, как будто бы отныне все эти мелочи были уже пройденным этапом. Хотя допрос сейчас пошел по совершенно другому руслу, от этого информация не становилась менее ценной.

- Моя клиентка, господин следователь, готова рассказать всю правду и вы увидите, что эта правда гораздо более отягощает других, чем ее. Вы также увидите - и я хотел бы, чтобы это было занесено в протокол, - что если она молчала до этой минуты, то не потому, что она пыталась избежать ответственности, но только из жалости к семейству, членом которого она была в течение нескольких лет... Наступит день, когда суд присяжных вынесет свое решение... Мы здесь не ведем процесса Ляшомов, но она, которая знала их лучше, чем мы, смогла найти для них смягчающие обстоятельства... Он уселся, удовлетворенный, и стал поправлять галстук.

Полет Ляшом, не зная, с чего ей начать свой рассказ, пробормотала:

- Уже неделю, с тех пор, как было перехвачено письмо, и в особенности, когда я заметила Леонара на набережной Бурбонов, мне было страшно... На набережной Орфевр Мегрэ избавил бы ее от этой тяжелой исповеди, так как сам рассказал бы о происшедших событиях, и ей оставалось только подтвердить их или в случае необходимости поправить его.

- Продолжайте, мадам... Она не привыкла говорить в присутствии стенографа, который записывал ее показания. Это ее подавляло. Она подыскивала слова, и несколько раз Мегрэ должен был сдерживать себя, чтобы не вмешаться. Он забыл погасить трубку, которую, не замечая этого, продолжал курить, сидя в своем углу.

- Особенно меня пугал Леонар, потому что именно он любой ценой поддерживал существование фирмы... Однажды; это было уже давно, когда я не решалась сразу вручить ему сумму денег, более крупную, чем обычно, он произнес целую речь, в которой он сравнивал большие коммерческие фирмы со старинными аристократическими семействами. "Мы не имеем права, - говорил он, холодно смотря на меня, - допустить разорения такого дома, как наш... Я способен на все, чтобы этого избежать..." Я это вспомнила недавно... И тогда я сразу же чуть не сбежала из дома, хотела поселиться в гостинице, пока будет оформлен развод... - Что вам помешало это сделать?

- Не знаю. Я хотела честной игры до самого конца и чтобы все было правильно... Это трудно объяснить... Чтобы это понять, нужно было прожить в этом доме долгие годы... Арман - слабый человек, больной, он только тень своего брата... А Жан-Поля я полюбила... В самом начале я надеялась, что у меня будут дети... Они тоже надеялись, следили за мной, ждали признаков беременности... Их очень огорчало, что у меня нет детей... Я часто думала, не поэтому ли Леонар пытался... Она резко изменила тему.

- Это правда, что Жак передал мне автоматический пистолет... Я не хотела его брать... Я боялась, что у меня его найдут... Вечером я клала его на ночной столик, а днем носила в сумке... - Где он находится в настоящее время?

- Я не знаю, куда они его дели. Все было так хаотично и так кошмарно после... - Расскажите нам о том, что было до.

- Я вернулась домой около двенадцати ночи. Возможно, в половине двенадцатого... Я не поглядела на часы... Решила, что, как бы то ни было, это будет предпоследняя ночь... Я вздрогнула, увидя, что дверь из комнаты Леонара открывается... Он смотрел молча, как я вхожу к себе, не пожелал мне даже доброй ночи, и это меня напугало... Когда, раздевшись, уже в халате, я пошла в ванную комнату, то заметила свет под его дверью... Я еще больше испугалась... Возможно, это было предчувствие... Я решила не ложиться, а сесть в кресло и ожидать в темноте рассвета... - Вы не приняли вашего обычного снотворного?

- Нет. Я не посмела... В конце концов я все-таки легла, положив рядом пистолет, решив не засыпать. Я лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к шорохам спящего дома... - Вы слышали, как он вошел?

- Прошло не меньше часа... Кажется, я ненадолго задремала. Потом я услышала скрип паркета в коридоре... Я села на кровати... - Ваша дверь не была заперта на ключ?

- Ключа не было, так же как и в других дверях этого дома, и потом - замок был уже очень давно сломан... Мне показалось, что кто-то поворачивает ручку двери, и тогда я осторожно встала и прижалась к стенке недалеко от кровати.

- В коридоре горел свет?

- Нет. Кто-то вошел. Я ничего не видела в темноте. Я боялась слишком рано стрелять, уверенная в том, что, если я промахнусь... Она не могла больше сидеть и продолжала свой рассказ стоя, обращаясь к Мегрэ, а не к следователю.

- Я почувствовала чье-то дыхание. Чужое тело почти задело меня. Я уверена, что его рука поднялась, чтобы ударить то место на подушке, где должна была находиться голова. И тогда, не отдавая себе отчета, я нажала курок... Мегрэ нахмурился. Внезапно, не обращая внимания на субординацию, он произнес:

- Разрешите, господин следователь?

И, не дожидаясь ответа;

- Кто зажег лампу?

- Не я. Я не могу вспомнить. Я бросилась в коридор, сама не зная, куда бежать... Конечно, я бы выскочила в одной рубашке на улицу... - На кого вы натолкнулись?

- На моего мужа... Должно быть, это он зажег лампу.

- Он был совершенно одет?

Она смотрела на него широко открытыми глазами. Сделав усилие, чтобы восстановить в памяти эту картину, она пробормотала:

- Да. Но тогда меня это не удивило... - Что было дальше?

- Должно быть, я закричала... Я помню, что я открыла рот" чтобы закричать... Потом я потеряла сознание... А потом, позже, начался весь этот кошмар... Сверху спустился мой свекор... Катрин тоже... Она больше всех говорила... Я слышала, как она заставила Жан-Поля вернуться в его комнату,.. Я видела, как Арман вышел из моей комнаты с огромным гаечным ключом... - С тем ключом, которым Леонар пытался вас убить?

- Наверное... Они приказали мне замолчать, перестать плакать... - Кто они?

- Мой свекор... И эта ведьма Катрин... В особенности она!.. Это она вымыла полы и помогла Арману перенести тело... И она же заметила пятна крови на моей простыне, потому что Леонар упал поперек раскрытой постели... - Они были поражены тем, что случилось? - спросил, в свою очередь, следователь:

- Я не могу этого сказать... Они были подавлены, но не удивлены... Следователь продолжал:

- Именно тогда они занялись лестницей-и оконным стеклом?

- Нет.

Мегрэ снова вмешался:

- Не забывайте, господин следователь, что около десяти часов вечера видели кого-то, очевидно Леонара, разбивающего бутылочные осколки на стене... В это же самое время они перетаскивали лестницу, смазывали мылом оконное стекло... Она вздохнула:

- Я тоже так думаю... Радель снова начал:

- Вы видите, господа, что моя клиентка....

- Минутку!

Следователь заговорил сухо и строго:

- Кто велел вам молчать и делать вид, что произошло ограбление?

- Никто в частности.

- Боюсь, что я вас не понимаю.

Черт побери! Его напичкали теориями, и теперь он хотел, чтобы истина подчинялась этим теориям и подходила бы под ту или иную категорию.

Полет ответила, не заботясь о том, что она восстанавливает против себя чиновника: - Сразу видно, что вы сами не пережили этой ночи!.. Я уже не понимала больше, что реально и что нереально... Я вспоминаю, например, хотя и не уверена, что это было в действительности, как Катрин визжала: "Окна!" Потому что вначале повсюду зажгли свет. На окнах нет ставен, только занавески, которые не задерживаются плотно. Она везде погасила свет... И она же нашла

карманный фонарик, кажется, на кухне... Потом она вернулась с ведром... "Лучше вам пойти спать, месье Арман... и вам тоже, месье Феликс..." Но они оба остались. А потом я еще помню, что просила рюмку вина, и они мне отказали, говоря, что нельзя, чтобы утром от меня пахло алкоголем... - А что произошло утром? Рассказали Жан-Полю о том, что случилось?

- Нет! Ему сказали, что у его дяди был припадок... Но так как он настаивал, что он слышал звук выстрела, все начали убеждать его, что это был шум проходящего мимо поезда или машины на набережной, от которого он и проснулся... Как только он ушел в школу, произвели нечто вроде репетиции... Она взглянула на своего адвоката. Расскажет ли она о том, что она позвонила ему, чтобы посоветоваться? Сделает ли он ей знак, чтобы она молчала?

Уже несколько минут Мегрэ не вникал в ее слова, прислушиваясь к легкому шороху за дверью.

И вдруг, когда Полет Ляшом хотела продолжить свой рассказ, раздался выстрел, за которым последовал шум быстрых шагов и взволнованные голоса.

В одно мгновение все пять человек в кабинете следователя застыли на месте, как статуи из музея восковых фигур.

В дверь постучали. Мегрэ первый медленно поднялся и, прежде чем открыть дверь, тихо сказал, обращаясь к Полет:

- Боюсь, что ваш муж умер.

Арман лежал на пыльном полу. Он выстрелил себе в рот, и недалеко от его судорожно сжатой руки лежал автоматический пистолет калибра 6,35.

Мегрэ взглянул на неподвижную женщину, на побледневшего адвоката, на чиновника, который еще не успел сообразить, какое выражение лица ему принять.

Мегрэ ограничился тем, что произнес:

- Надеюсь, я вам больше не нужен, господин следователь?

Больше он ничего не сказал, направляясь по длинному коридору к маленькой двери, ведущей в уголовную полицию.

Может быть, если бы допрос происходил там, в его кабинете, все кончилось бы иначе?

Но зато Полет Ляшом созналась по всем правилам.

Ее муж умер тоже по всем правилам.

Кто знает, может быть, для того и для другого лучше, что так кончилось?

А теперь остались только три старика в доме на набережной де-ля-Гар, и последний потомок Ляшомов 1817 года находится в интернате колледжа.

Не успел Мегрэ войти в свой кабинет, как Люка выскочил из соседней комнаты, явно собираясь что-то спросить.

А комиссар уже снял телефонную трубку и набирал номер телефона Вероники Ляшом.

Она-то, прежде чем принять решение, имела право узнать обо всем.

<http://book.zehinli.info>